

18+

Эли Эшер
Алексей Колпиков

Дар Менестреля

Эли Эшер
Дар Менестреля

«Издательские решения»

Эшер Э.

Дар Менестреля / Э. Эшер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988757-3

Тьма сгущается над западным Вильдаром. Обыватели пьют пиво, политики интригуют, но о грядущем знают уже Белые, равно как и набирающие силу Черные. И в центре — неказистый нескладный молодой менестрель, обвиненный в убийстве и спасающий теперь свою жизнь бегством в очень странной компании. А за ними с целью спасти мир отправляется команда из двух монахов, только один из ордена Единого, а другой из Черного. И, конечно, не обойдется без принцессы, пусть и неподходящей для баллад.

ISBN 978-5-44-988757-3

© Эшер Э.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
В начале...	6
Часть I. Бегство	8
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дар Менестреля

Эли Эшер
Алексей Колпиков

© Эли Эшер, 2020

© Алексей Колпиков, 2020

ISBN 978-5-4498-8757-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В начале...

Над землею властвует ветер,
Волны в море бушуют яро,
Но стоят непоколебимо
Эти горы и старые скалы.

Эти горы стоят надменно
Не страшны им ни ветер, ни бури,
И они полагают, верно,
Что нет сил, чтобы их согнули.

Но на серую твердость камня
Жизнь плеснула зеленой краски,
Чтобы вновь победила правда,
Как и в старой волшебной сказке...

Над невысокой, пологой горой, поросшей от времени растительностью, висело красное, клонящееся к закату солнце. Большие облака клубились в небе над расстилающейся перед горой холмистой запустелой равниной, как в первые дни творения. Возле самой вершины на валуне, лежащем среди травы и цветов, сидел путник с посохом. Ветерок трогал его седые волосы, бороду, откинутый капюшон. Он смотрел на расстилающуюся перед ним равнину, и казалось, что его глаза вмещают в себя всю мудрость и боль человечества.

Невдалеке от него стоял статный смуглый красавец в богатой изысканной одежде с дорогими украшениями. На первый взгляд этот кабальеро поражал изяществом, и, вероятно, много девичьих и женских сердец он мог бы покорить, не прикладывая к этому никаких усилий. Но присмотревшись, чувствовалось в нем что-то не то, что-то отталкивающее. То ли чересчур горделивый и пренебрежительный взгляд, не вязавшийся с его почтительной позой, то ли изломанный рот, будто привыкший к язвительной усмешке. Несмотря на это, он стоял перед бедно одетым путником, склонившись в легком полупоклоне.

– Откуда ты пришел? – спросил путник.

– Я ходил по земле, господин, и прошел ее от края до края, – ответил тот.

– Все жаждешь исказить Песню...

Стоящий вздрогнул и тут же ответил:

– Нет, господин. Ты знаешь, я никогда не стремился к этому. Все мои помыслы – лишь остеречь тебя от твоего последнего творения. Я ли нарушил твой запрет? Он! Вот причина искажения мелодии! Не я, человек порочен по сути своей, и он исказит любую песню, которую ты доверишь ему. Да и не поможет она ему...

– Меня ли хочешь соблазнить, нерадивый раб? – с горечью спросил путник.

– Никогда, господин, – склонился стоящий, скрывая глаза. – Но дозвожь мне и дальше остаться меж людей, и я покажу тебе их истинную природу!

– Мне? – спросил путник и взглянул на щеголя, от чего тот еще ниже опустил глаза и склонился. – Но да будет так. Человек сам должен делать выбор, иначе он перестанет быть человеком. Но не надейся, поскольку придет помнящий Мелодию.

Стоящий вздрогнул и быстро ответил:

– Кто же это будет, господин, опять какой-нибудь могучий с огненным мечом?

– Человек, просто человек. Тот, кого ты так боишься.

– Но даром ли будет нести он Песню? Если оградишь ты его, и все, что будет у него, благословишь, и одаришь его здоровьем, богатством, красотой, женщинами, властью... А устоит ли он, если все это предложить ему за то, чтобы он забыл Мелодию?

– У него будет лишь один Дар – чистая душа, помнящая изначальную Мелодию. Остальное он получит потом, не рассчитывая ни на что. Но и этого единственного Дара хватит, чтоб остановить тебя. А теперь уйди.

И надменный кабальеро, статный красавец с высокомерным взором, исчез, растворился, будто его никогда и не было.

– Ты слышал? – обратился путник неизвестно к кому.

Среди травы и камней зашевелилась дрожащая от страха фигура. Не поднимаясь с колен, человек приподнял лицо и лишь смог пролепетать: «Да, Господин!» Путник с состраданием поглядел на него и сказал:

– И запомни, какие бы беды ни навлекли люди на себя, а они уже заслужили их, и немалые, но придет время, и придет Певец, и принесет Песню, чтобы спасти мир. Иди и запиши, что услышал.

А затем путник поднялся и пошел по золотистой дорожке лучей заходящего солнца, одному ему ведомо, куда и зачем.

Часть I. Бегство

Глава 1

Ветер. Ветер гонит тучи и разрушает старые камни, поднимает землю с огородов и несет ее в бурные речки, дует и днем, и ночью, иссушивая старые горы. Редко когда он остановится, будто задумается о чем-то своем, и глянть – уже снова гнутся под ним травы, цепляющиеся за крутые горные склоны. Кажется, что именно ветер господствует над этой суровой горной страной, над одинокими скалами и лесами, облепившими старые горы, над ущельями со звонкими речушками, над горными долинами, отражающими солнце зеркальцами хрустальных озер, над плато на восходе и равниной на закате, над древним монастырем илинитов, укрывшимся в неприступной толще скал.

Никто не знает, сколько сотен лет живут монахи внутри верхней части изъеденной ходами, залами и кельями одинокой скалы. Говорят, что сам легендарный пророк Илин первым поселился здесь и что хранилища скалы Глен-доор до сих пор хранят рукописи, помнящие прикосновения его рук. Правда ли это? Кто знает? Братство умеет хранить свои тайны.

Станный народ эти монахи. Ходят по всему свету в своих плащах с капюшонами, лечат, учат, проповедуют. Ну, что Бог – один, это здесь и так каждый ребенок знает. Это не варварские королевства на западе, погрязшие в жире, богатстве и разврате. Но все равно странные они. Ходят без оружия там, где и нищий-то пройти не решился бы. До сих пор рассказывают, как засевавшая на перевале Балаш-сард шайка попыталась напасть на одного из младших монахов. Пятерых он уложил на месте голыми руками, а остальных остановил и обратил в свою веру. Затем они вместе похоронили тех пятерых, помолились за их души и все вместе ушли в монастырь.

Да-а-а. Но местным крестьянам на них грех жаловаться. Если заболел – иди в монастырь, вылечат. Если враги нагрянут – опять же, хватай семью, манатки, прячься за неприступными стенами. Да и если мор или война сироту оставят, тоже ясно что делать. Бери да веди в послушники – выкормят, вырастят, делу какому научат, а уж потом захочет – пойдет в монахи, нет – силой никого не тянут. Даже радуются, если кто их веру в мир несет.

Впрочем, Йонаш уже три года как надел плащ. Собственно, приняв сан, он получил и новое имя – теперь он брат Эорон бен Гхеверли. Но это только для своих, для братства, а в миру по-прежнему Йонаш. То имя не каждому знать положено, а это – почему бы и нет? Вон сколько Йонашей только в этих горах живет! Тут никакая магия не разберет, на кого порчу насылают пытаются.

А опасаться есть чего. Не зря Йонаш потратил эти три года, не зря. За это время он овладел многими секретами тайного учения борьбы Шень-Хоа, да и его успехи в богословии недаром обратили внимание самого петрарха. А ведь кто знает, зачем мог понадобиться младший монах Его Святейшеству? Вдруг уже завтра можно будет сменить черный плащ младшего брата на почтенный серый? Впрочем, где уж там! Многие и пять, и десять лет ждут этой чести. И все же, зачем его могли позвать?

Об этом размышлял Йонаш, торопясь по горной тропе в сторону монастыря. Тропа, идущая вдоль обрыва, резко сворачивает направо, за уступ скалы, и открывается площадка, посреди которой лежит дрожащий холмик. Козочка. Что ты тут делаешь, глупая? Иди к своим! А, ты не можешь, нога повреждена... Цапнул тебя кто, что ли. Надо бы перевязать. Но приказ, надо торопиться... Да, ладно, простит ли Господь, если ради великого изменишь в малом? Ну, иди сюда, не пугайся, дай я тебя перевяжу, и не будет больно. Вот так, уже хорошо. Теперь иди. Чего боишься? Йонаш поднимает голову и видит в десятке шагов впереди человека. Фигура

закутана в плащ с капюшоном, как у монаха, но это не монах. Братья не носят плащи темно-красного цвета. Незнакомец сделал жест, и Йонаш так и подпрыгнул. Тайный язык! Вызов на бой! Тело само заняло оборонительную позицию, но руки вытянулись вперед в жесте примирения. Если вновь будет вызов, придется драться.

– Умри, илинит, – произносит незнакомец и делает совсем другой жест, который никогда не использовался в тайном языке Шень-Хоа из-за своей грубости. Э-э, если он так несдержан, то есть шансы... Главное, что он заговорил. Как учил преподобный Асир, мастер боя: «Если человек открыл уста, он открыл и уши. Ищи слово, которое отопрет путь в его душу, и твой противник станет твоим союзником». Какое же слово подойдет к этому, бордовому?

– Почему, разве я сделал тебе что плохое?

– Ты слишком много чего можешь сделать. Потому я и послан сюда, – отвечает незнакомец и снова бросает вызов. Что ж, тело Йонаша давно готово к схватке, а разум может пока поискать и другие выходы.

– Ты ошибся, брат. – Интересно, что он на это скажет. – Я лишь скромный монах и плоды моих усилий не так уж велики.

– Ты мне не брат! И ты из тех, по кому в мир вернется Песня! Брось слова и защищайся! – отвечает незнакомец и делает молниеносный удар ногой в то место, где мгновение назад было горло Йонаша. Одновременно туда же бьет бордовый комок энергии. Как он неосторожен, думает Йонаш и подхватывает этот комок, пока его тело, пользуясь уязвимым положением противника во время атаки, наносит ответный удар. Тоже в пустоту. А он силен, этот бордовый мастер. Пока тело выжидает, увертывается, наносит удары, Йонаш гладит мысленным взором пойманный комок энергии, успокаивает его, очищает от злобы и агрессии, и вот уже голубой шар незримо светится перед ним. Йонаш протягивает незнакомцу этот шар, и тот плывет к бордовому капюшону, который – поразительно! – не видит его. Это ж надо быть столь самонадеянным! Использовать энергию и не видеть ее! Но сейчас это, может, и к благу. Шар подлетает к капюшону и исчезает. Одновременно незнакомец падает на колени, издает истошный вопль и рушится на тропу. Капюшон откидывается в сторону, сквозь дрожь испуганные глаза смотрят на Йонаша:

– Кто ты? Что со мной?

– Все хорошо, брат. Скоро мы доберемся туда, где тебе помогут.

Он уже не вскипает на слово «брат». Это хорошо. Теперь осталось связать незнакомца, сломать два деревца, соорудить из них волокуши, и в путь. А уж в монастыре его вылечат. Конечно, хорошо бы его заставить идти самого, но опасно. В таком состоянии он и в пропасть прыгнуть может. Лучше уж так, тяжело, медленно, зато цел будет. Ох, нескоро удастся выполнить приказ о скорейшем возвращении – до монастыря еще шагать и шагать. Хоть бы кто из братьев встретился, помогли бы. Ну да ладно, причина важная. Интересно будет его послушать, когда на ноги встанет. Если он о той самой Песне говорил...

Йонаш вздохнул и потащил волокуши с бесноватым в сторону обители.

* * *

...Нежная, замысловатая музыка залила все вокруг, заставляя невольно насвистывать или хотя бы постукивать ногой в такт. Музыканты исполняли «Слезы Авени» – одну из самых популярных на Западе Вильдара песен. Придворные и гости Короля танцевали в просторном зале, пытаясь перешеголять друг друга в демонстрации сложнейших танцевальных па и в умении обольстить ту или иную красотку дворянского сословия.

Дворец Короля Леогонии был огромен, но внутри он казался просто невероятно колоссальных масштабов. Особенно этот зал, в котором нынче проводился бал в честь помолвки принцессы Мельсаны и герцога Ильмера из Хорнкара. Поистине убранство зала вызывало вос-

хищение даже у самых богатых и имеющих тонкий вкус в архитектуре людей: высокие мраморные колонны с тонкой резьбой и витиеватым золотым орнаментом подпирали купол, украшенный великолепными фресками лучших мастеров Леогонии, сверху свешивалась огромных размеров золотая люстра, на которой было столь много свечей, что казалось, будто даже безоблачный день становится пасмурным, если зажечь все эти свечи. Но наибольшее восхищение вызывал пол: чья-то безумная идея была воплощена, и каждый мог лицезреть причудливую игру цветов на самых различных драгоценных камнях, определенным образом ограненных и вплавленных в каком-то удивительном сочетании в гладкую субстанцию наподобие хрусталя. Об этом чудесном творении леогонских мастеров ходили слухи далеко за пределами Западного Вильдара, и Король Леогонии очень гордился этим, постоянно приглашая на балы различных именитостей со всего континента.

На этот раз собралось общество, по пестроте своей способное спорить даже со знаменитым орнаментом пола в Тронном Зале. Сегодня, помимо джемпирской знати, здесь присутствовал сам Ильмер из Хорнкара, темнокожие теренсийские торговцы, угрюмые гирлинцы – все сплошь мускулистые и высокие, сильгерский наместник с супругой в удивительных легких одеяниях розового цвета, размалеванные напыщенные вожди кочевников из Ярграджа, был даже экратский вельможа – настолько грузный, что для него специально приготовили огромное кресло, на котором бы с легкостью поместился бы десяток обычных человек.

Гости неспешно бродили по залу, любуясь камнями под ногами, изысканными танцами и пышнотелыми красавицами, поедали великолепные яства и пили удивительные на вкус теренсийские вина. Изредка они сталкивались и заводили светские беседы, основным предметом которых были предстоящие и прошедшие войны, достоинства и недостатки нынешнего Короля Акрата III и, разумеется, сегодняшняя помолвка.

Сама принцесса Мельсана сидела на небольшом троне по правую руку от отца – статного чернобородого красавца, едва тронутого сединой. Слева от Короля Акрата сидел высокий блондин с решительным лицом – молодой герцог Ильмер Хорнкарский. Его нельзя было назвать красавцем, и уж тем более его внешность казалась блеклой в сравнении с красотой принцессы. Красивый овал лица, огромные кошачьи глаза, пухлые розовые губки и каскад дивных золотистых волос, стянутых серебряным обручем – все девушки Леогонии завидовали Мельсане, а мыслить о чести быть удостоенным хотя бы мимолетной очаровательной улыбки могли лишь самые достойные люди Западного Вильдара.

Однако сегодня принцесса была не в духе. Станный опустошенный взгляд ее чарующих глаз тревожил Акрата, и настроение Мельсаны каким-то странным образом передавалось всем гостям нынешнего бала. Казалось, что гости ожидают чего-то, чего не знает никто. И обильно накрытые столы и выбивающиеся из сил музыканты и танцоры никак не могли потеснить скуку из Тронного Зала. Лишь только сплетни и интриги – развлечение любого двора – хоть как-то развлекали собравшихся здесь.

– Послушайте, милейший Лорд Айрен, – говорил молодой гирлинский барон своему собеседнику, низкорослому толстяку с маленькими хитрыми глазами и кривым носом. – Вы знаете, что предсказали наемники эти илинские прорицатели? Будто бы грядут жестокие войны и все в таком духе.

– Чушь, мой юный друг! – У толстяка был неприятный голос, похожий на хрюканье насытившейся свиньи. – Эти проходимцы только и знают предсказывать всякие гадости. Шарлатаны они, и весь сказ! Давно их всех пора на костер. Ну посудите сами: с какой стати быть войне между Леогонией и Гирлином, если уже три века мы живем в мире, благополучно и взаимовыгодно торгуя. Вот вы, к примеру, барон, пойдете воевать?

– Да нет же, сударь. Какие могут быть речи. Я с вами полностью согласен. Тем более, – гирлинец поближе придвинулся к свиноподобному толстяку, отчего тот раскрыл полный кривых зубов рот в предвкушении новой сплетни. – Тем более, что наш нынешний правитель,

Феманур, да продлятся дни его, давно уж погряз в развратничестве и ничего не ведает, кроме пикантных сцен со своими придворными. Поговаривают даже, что он, – молодой барон перешел на тихий шепот, – совершенно не гнушается общества совсем юных пажей и менестрелей.

Толстяк гнусно захихикал, отчего на лице гирлинского вельможи появилась самодовольная улыбка: мол, как же хорошо я осведомлен. Мимо беседующих прошествовала накрашенная и разодетая дама с весьма привлекательным декольте, открывающим пышную грудь, и взоры сплетников тотчас обратились вслед уходящей вглубь зала.

– А ведь недурна собой эта леди Роэмен, – высказал свое мнение барон из Гирлина. Толстяк лишь цокнул языком, а его маленькие пороссячи глазки так и впились в обворожительно покачивающийся зад высокородной леди...

Нечто подобное происходило повсеместно весь вечер. Король становился все мрачнее и мрачнее. Его не покидало ощущение, будто вся эта помолвка затеяна зря и никакого толка от этого не будет. Акрат очень любил свою дочь и очень не хотел, чтобы она была несчастлива всю свою жизнь. Он уже начал подумывать о том, чтобы объявить гостям об окончании бала, как Мельсана обратилась к нему.

– Отец, мне наскучил нынешний бал, вдобавок я себя дурно чувствую. Позволь мне покинуть Тронный Зал и отдохнуть в своих покоях.

– Дочь моя., – король находился в замешательстве. – Я... А как же быть с гостями, и почтенный герцог Ильмер...

– Не беспокойтесь, Ваше величество. – У владыки Хорнкара был приятный глубокий баритон. – Я провожу Мельсану, нам есть о чем поговорить. А позже мы вернемся сюда, дабы объявить гостям о предстоящей свадьбе.

Мельсана бросила на герцога мимолетный взгляд, полный неприкрытой злобы и отвращения. Однако, похоже, никто не заметил, как злоба на миг исказила красивое лицо принцессы. Мгновение – и вновь холодный, отчужденный взор и плотно сжатые губы.

– О, что вы, Ильмер. Лучше будет, если я пойду одна.

– Как угодно несравненной Мельсане. – Видимо, герцог был очарован дочерью Акрата, в его взгляде читалось раболепное восхищение.

Акрат лишь молча пожал плечами.

Принцесса встала и грациозно направилась к выходу из Тронного Зала. Гости недоуменно расступались перед ней, затихли даже музыканты. Когда Мельсана скрылась в стрельчатом проеме резных ворот, Ильмер обратился к Королю:

– Ваше величество, ходят слухи, будто у вас имеется придворный менестрель, обладающий удивительным голосом. Может быть, вы порадуете нас, попросив его спеть несколько песен?

– Отчего бы и нет, мой друг? – Король улыбнулся. – Правда, предупреждаю, Дастин поет весьма печальные песни, и вам это покажется слишком скучным, однако... – Король наклонился поближе к уху герцога. – Здесь и без того нагнали скуки эти назойливые интриганы и сплетники. – Затем он крикнул кому-то в зале: – Эй! Позовите сюда Дастина. Пускай менестрель споет нам нынче новую балладу.

Через некоторое время в зал вошел, слегка прихрамывая, придворный менестрель. Он был одет в простой коричневый камзол и такие же коричневые штаны. Черные длинные волосы покрывал тонкий серебристый обруч. Дастин был стройным юношей лет 20 с вытянутым скуластым лицом. Левую щеку перечеркивал уродливый шрам, бывший предметом насмешек придворных. Однако его глаза – удивительно ясные – излучали какой-то мягкий свет, мудрый и спокойный взгляд, казалось, дарил умиротворение. Менестрель подошел к трону Короля, медленно поклонился своему владыке и герцогу Ильмеру, после чего снял с плеча украшенную причудливым орнаментом лютню и спросил тихим, спокойным голосом:

– Какую песню хотел бы услышать мой господин сегодня?

– Спой нам «Балладу об Ирнарской битве», – попросил Король.

– Ваше величество, – перебил его герцог, – прошу прощения за мою дерзость, но дозволю менестрелю спеть что-нибудь новое, чего не слышали еще в твоём дворце.

– Вы мой гость, Ильмер. – Акрат учтиво склонил голову. – Я присоединяюсь к просьбе почтенного герцога. Дастин, спой нам что-нибудь совсем новое.

– Воля ваша, государь. – Дастин снова поклонился. Когда он понял голову, его взгляд был направлен куда-то вдаль, казалось, будто менестрель о чем-то глубоко задумался. – Я сыграю вам «Песнь об Элонте».

С первых же аккордов все собравшиеся в Тронном зале разом притихли, и полилась чудесная мелодия. Тонкие пальцы Дастина нежно перебирали струны, и чарующие звуки его лютни заставили доселе не слыхавших его песен прислушаться. Когда же зазвучал голос менестреля – невиданной силы и красоты тенор, – многие от раскрыли рты от изумления. Казалось, будто печальные аккорды и завораживающий голос барда сливаются в единый оживший звук, проникающий в самую глубь сознания каждого из присутствующих, и заставляют их на время отрешиться от мира. И слова этой песни были таковы, что каждый чувствовал себя побывавшим вместе с героями и пережившим все лишения. Это была печальная история о молодой девушке, полюбившей властителя птиц, о том, как любовь заставила ее искать пути в небо, как потом она превратилась в прекрасную чайку, но на нее напал зловеющий коршун, а ее возлюбленный пришел ей на помощь и погиб, защищая ее. И слезы этой девушки, Элонте, казалось, достигли всякого слушателя, и к концу баллады рыдали почти все в Тронном Зале.

Наконец Дастин взял последний аккорд и умолк. Некоторое время в зале царило молчание, слышны были лишь всхлипы и печальные вздохи.

Первым опомнился помрачневший подобно туче Ильмер:

– Спасибо, менестрель, за прекрасную песню. Но прошу тебя – не надо сегодня больше петь, дабы не печалить еще больше нас и почтенных гостей.

– Ступай, Дастин, – мягко сказал Король, едва заметным движением смахивая предательскую слезу. – Ступай к себе. И мы будем ждать новых твоих песен.

– Как будет угодно Вашему величеству. – Закинув лютню за плечо, бард опять сделал глубокий поклон и, слегка хромая, направился к выходу из Тронного Зала.

Пройдя по широкому коридору, Дастин оказался на огромной каменной лестнице, ведущей в сад. По обе стороны массивных ступеней росли причудливые растения, пели ночные птицы и ласково шумели фонтаны. Ночь была изумительной: в небе горели вечерние звезды, а в воздухе царил постоянно меняющийся аромат трав, цветов, плодов, и свежий ветер доносил мельчайшие брызги многочисленных дворцовых фонтанов, разбросанных по всему колоссальному королевскому саду.

До слуха менестреля донеслись звуки возобновившейся танцевальной музыки и голоса придворных и гостей. Бал продолжался.

Дастин вздохнул и неспешно направился вглубь сада, где находились строения для прислуги, среди которых был небольшой домик для придворных музыкантов, а в нем – маленькая комнатка менестреля, в которой стояла простая кровать, круглый стол и пара стульев. Иного имущества, кроме одежды, лютни да крохотного мешочка с медяками, у Дастина не было.

Внезапно послышался странный хруст, затем шуршание и, наконец, глухой шлепок. Затем еще и еще. Как будто кто-то прыгал с высоты на землю. Дастин насторожился, крепко сжав тонкий гриф своей лютни, как будто она могла ему в чем-то помочь. С самого раннего детства Дастин знал, что является более чутким и зорким, нежели все его сверстники. Да что там сверстники. Даже сокольничий Перитим еще в родном Бренсалле поражался удивительному зрению и слуху юного менестреля – мальчик смог разглядеть одного из соколов Перитима, когда даже старый птичник уже еле-еле видел точку в небе.

Дастин нахмурил брови, как всегда это делал, всматриваясь куда-либо, и в крошечной темноте углядел три темных силуэта, крадущихся за кустами подле высокой стены, огораживающей Королевский сад. Воры! Но как им удалось миновать внешнюю стену, на которой через каждые сто шагов выставлен часовой, а за стеной постоянно дежурит караул? Неужто перебили стражу? Но опасения Дастина сменились недоумением: до тонкого слуха менестреля не доносилось ни единого звука, выдававших бы крадущихся в тени. Троица двигалась совершенно бесшумно, будто они едва касались земли.

Первой мыслью было позвать стражников и предупредить о странных незнакомцах. Но что-то заставило Дастина вместо этого неразумно последовать вслед за крадущимися. Менестрель поковылял, прикрываясь кустами и стараясь не шуметь, и, похоже, он остался незамеченным.

Наконец троица добралась до невысокого изящного здания, восхищающего своей дивной архитектурой, – женской половины Дворца. Здесь проживали не так давно умершая от неизлечимой болезни Королева и юная Мельсана. Неужели преступники прокрались, чтобы причинить зло принцессе?

И Дастин решил, что ни в коем случае не должен допустить этого.

Три черных тени бесшумно скользнули мимо похрапывающего на ступенях стражника и скрылись в стрельчатом проеме. Дастин выступил из-за кустов и огляделся. Звезды освещали широкие ступени, ведущие ко входу в Палаты принцессы. Сзади едва доносился шум продолжающегося бала, вокруг, как ни в чем не бывало, продолжали щебетать ночные птицы. Дастин подошел к стражнику. Казалось, тот мирно дремал. Но, приглядевшись, Дастин отшатнулся – часовой был мертв. Внешне это не было заметно, но тяжелое ощущение смерти давило, словно сама Старуха-с-Косой стояла за спиной. Дастин едва коснулся рукой уже холодеющего лба стражника, голова того медленно опрокинулась назад и скатилась по ступеням. Менестрель судорожно слотнул. Место среза было идеально ровным и тонким – только сейчас появилась кровь. Никакое металлическое оружие не способно на такое. Менестрель подавил приступ тошноты и расширенными от ужаса глазами посмотрел туда, где скрылись страшные убийцы. И опять какая-то странная сила заставила его пойти вперед. Дастин подошел к двери – та была едва приоткрыта. Из глубины Палат не доносилось ни звука. Менестрель медленно приоткрыл створки и протиснулся в щель. Так же медленно закрыв за собой дверь, юноша закрыл глаза и глубоко вздохнул.

Слабый шорох заставил его вздрогнуть, и менестрель юркнул за странную колонну. Мгновение спустя в дальнем коридоре показалась фигура, освещаемая пламенем свечи. Дастин узнал старого Генриана – слуга Мельсаны вышел проверить, все ли в порядке. Старик прошел по коридору и исчез за поворотом, и сразу же послышался приглушенный вскрик.

Дастин плотнее прижался к колонне, в которой в слабом свете свечи узнал огромную железную статую воина в доспехах. Недолго думая менестрель выхватил из рук металлического стража затупленный, но все еще грозный меч и тихо направился туда, где скрылся Генриан.

Он приближался к повороту, за которым виднелся отсвет какого-то светильника, и уже знал, какую сцену он там увидит.

Осторожно высунув из-за угла голову, Дастин в ярком свете горящего на стене факела увидел массивную фигуру Генриана, лежащего в луже темно-багровой жидкости. Старый камердинер умирал. Однако все же нашел силы, чтобы открыть глаза. Затуманенный взор скользнул по стенам и остановился на фигуре менестреля, выступающей из-за угла.

– А, черная бестия... – еле ворочая одними губами, пробормотал старик. – Ну иди... добей меня... что же ты стои... – И глаза Генриана внезапно закрылись, голова откинулась набок. Слуга Мельсаны отошел в иной мир.

А Дастин продолжал нелепо стоять за углом, не в силах понять происходящее. Черные бестии! Неведомые убийцы проникают в Королевский Дворец и одного за другим лишают

жизни невинных людей! Надо поскорее бежать отсюда, рассказать всем и непременно схватить этих ужасных незнакомцев. Но ноги отказывались повиноваться, Дастин все продолжал стоять за углом, уставившись невидящим взором на распростертое тело старого камердинера. Ужас сковал все тело менестреля, липкий страх пронизывал мозг. Мысли Дастина понеслись бешеным чередом, отчего закружилась голова. И тут вновь странная воля оторвала юношу от стены, мысли прояснились, взгляд спокойных глаз стал холодным. Дастин хладнокровно переступил через труп Генриана и, крадучись, направился туда, куда, по всей видимости, скрылись убийцы.

Так он и шел впотьмах, придерживаясь стены и сжимая тяжелую рукоять меча, пока не добрался до двери в опочивальню принцессы. Какая неслыханная наглость – придворный менестрель в покоях наследницы престола! Но Дастин совершенно не думал об этом – все его мысли были поглощены одним: найти убийц и предотвратить казавшуюся неизбежной смерть принцессы.

Когда же Дастин отворил незапертую тяжелую дверь, он понял, что опоздал.

Яркий свет заливал просторную светлицу. На широкой кровати среди многочисленных подушек, одеял и кружев лежало обнаженное тело принцессы. Разметавшиеся по подушке волосы были подобны золотой чаше. Меж маленьких твердых грудей Мельсаны торчали три кинжала с темными кривыми рукоятками, а подле кровати, безмолвно скрестив руки на груди, стояли три фигуры в черных балахонах. Широкие капюшоны полностью скрывали лица страшных убийц.

Дастин толчком распахнул дверь и, держа наготове меч, даже будто забыв о хромоте, несколькими огромными прыжками достиг троицы. Но те словно не замечали дерзнувшего напасть на них. Менестрель остановился в нерешительности. Ярость сменилась недоумением, и снова пришел страх. Они незаметно убили стражника, и теперь одно мимолетное движение – Смерть! Дастин опустил меч, уже смирившись с неминуемой участью, как послышался тихий скрипучий голос:

– Ты пришел. Мы ждали. – Невозможно было понять, кто из троих говорит. Казалось, звук шел отовсюду. – Пусть свершится то, что должно было. Прощай, Певец. Мы еще свидимся, но уже по другую сторону... – Тут произнесли неизвестное слово, от которого у Дастина побежали почему-то мурашки по спине.

И троица медленно двинулась мимо менестреля, который продолжал стоять как скованный, опустив свой нелепый меч.

Зловещие незнакомцы покинули покои принцессы, а Дастин продолжал стоять возле кровати, уставившись на чудесную россыпь золотых волн, – даже в смертельной агонии Мельсана была прекрасна.

Спустя некоторое время сзади послышались шум и крики, дверь отворилась, и полный ярости голос произнес за спиной:

– Схватить его! У него меч! Это он убил принцессу!

Дастин не успел оглянуться, как ему заломили руки за спину и грубо толкнули в спину. Менестрель со стоном опустился на колени – острая боль пронзила правую, хромотую ногу. Мгновение спустя его руки были туго стянуты за спиной прочным ремнем. Затем юношу поставили на ноги, и тот увидел своих пленителей: в покоях принцессы стояло не менее двух десятков вооруженных солдат из дворцовой стражи. А прямо перед менестрелем с обнаженным мечом в руках стоял Ильмер. Ненависть исказила его лицо, в глазах герцога Дастин увидел ярость и еле сдерживаемое желание убить молодого певца.

– Я бы тебя задушил голыми руками сейчас, – сквозь плотно сжатые зубы процедил Ильмер, – но благодари судьбу и своего Короля. Тебя уведут в темницу и будут судить. Что же ты наделал, бард? За что? – Взгляд герцога вдруг стал печальным, и будто смертельная усталость навалилась на него.

Дастин хотел было ответить и уже раскрыл рот, как его взор наткнулся на лежащий подле него меч. Это был совсем не тот, с которым он ворвался в покои Мельсаны! Свет многочисленных факелов и свечей играл на остро отточенном лезвии, алый свет, ибо лезвие до рукояти было в крови. Менестрель резко обернулся и увидел, что в груди нетронутого еще никем тела принцессы ничего не торчит, а лишь зияет ужасная багряная рана.

«Ложь! Безумие!» – хотелось кричать Дастину, но он опять был не в состоянии управлять собой. Из странного оцепенения его вывел негромкий приказ хорнкарского правителя:

– Увести его! Я сам доложу обо всем Его величеству...

Глава 2

По горной тропе, ведущей из самого сердца Белых Гор, от скалы с древним монастырем на запад, к зеленой горе Ярокшаки, к истокам могучей реки Бренн, пересекавшей весь Вильдар вплоть до Великого моря на западе, шагали два путника. Они были примерно одинакового роста, сложения, возраста, оба были одеты в плащи с капюшонами, и только цвет этих плащей позволял различать их на расстоянии. Бордовый плащ первого путника бросался в глаза, как осенний кленовый лист среди своих желтых и зеленых собратьев. Плащ второго путника был серым, благодаря чему тот был бы почти незаметен на фоне серых обветренных камней. Да, немало произошло за эти несколько дней... Мог ли Йонаш подумать, что через пару дней цвет его плаща сменится на благородный серый? Нет, только мечтать, а вот ведь оказалось, что это самое малое, что с ним случилось за эти дни. А что он на пару со своим недавним противником отправится выполнять такую миссию?

Йонаш вспомнил вечер за два дня до отправления. Он тогда доставил незнакомца в монастырь, и, казалось, о нем забыли. Йонаш спокойно отправился в свою келью, а потом присоединился к обычной работе в монастыре. Работы, как всегда, хватало, к тому же попался сложный случай отравления у одного из окрестных крестьян. К счастью, Йонаш как раз незадолго до этого сам исследовал именно эту группу ядов и знал от него противоядие. Поэтому его появление было как нельзя кстати, и больной, очень быстро миновав кризис, пошел на поправку. И когда Йонаша позвали к Его Святейшеству, он даже не догадался, что это связано с его недавним противником. Собственно, он решил, что его зовут как раз затем, зачем он и был вызван из удаленной области гор, где проводил время в тихом уединении, заодно отыскивая целебные травы, которые не росли возле обители.

Но когда он вошел в покои петрарха, начались неожиданности. Прежде всего, не было обычной церемониальности, посторонних, его просто провели в кабинет, если можно было так назвать эту келью, немного расширенную и дополненную необходимой для ведения дел монастыря мебелью. Его Святейшество один сидел за столом и, о чем-то глубоко задумавшись, смотрел на пламя светильника. Увидев Йонаша, он указал на узкую жесткую койку, служившую для сна первого человека монастыря и всего Ордена, и стал рассматривать младшего монаха, как будто видел его впервые. Йонаш поклонился, послушно присел на край койки и стал ожидать, когда с ним заговорят. Белый плащ, признак верховного духовенства, висел на стене, и только по спокойным и уверенным глазам можно было догадаться о положении этого человека в братстве, способном при желании за пару лет сколотить все земли Вильдара в могучую империю, но из высших соображений воздерживающемся от подобного вмешательства в политику и ограничивающемся себя проповедью и помощью нуждающимся.

– Ты преуспел, брат Эорон, – нарушил наконец молчание петрарх, используя тайное имя Йонаша. – Когда тебя вызвали, то дело было лишь в том, что в монастыре срочно потребовался специалист по той группе ядов, которую ты изучал самостоятельно в прошлом году. Один из крестьян каким-то образом получил отравление ими – собственно, ты об этом знаешь, сам его лечил. Однако по дороге тебе довелось столкнуться с другой своей миссией, которая, похоже, свыше.

Йонаш молчал, ожидая, когда глава монастыря прольет свет на свои слова. И тот не заставил себя ждать; после небольшой паузы, он продолжил:

– Знаешь ли ты, кого привел в монастырь?

– Не знаю, Ваше Святейшество. Я понял, что он владеет приемами и языком нашей тайной борьбы. Кроме того, он немного умеет использовать живую энергию, но сам ее не видит. Он, очевидно, был одержимым. Это была одна из причин, по которым я привел его сюда, – моих сил было явно недостаточно, чтобы изгнать из него тьму.

– И правильно сделал. Мы с этим справились, и когда он снова стал самим собой... Он рассказал ужасные вещи, и придется принять их такими, как они есть. Оказывается, уже много лет существует и действует некий Черный Орден. Он организован по образу и подобию нашего Ордена, но его цели полностью противоположны. Они служат тому, кто перечил Господу на горе Ярокшаки.

Йонаш вздрогнул: в разращенных королевствах Запада то тут, то там действительно возникали небольшие черные секты, но они были невелики и, усилиями Ордена, недолговечны. А если они действительно сумели объединиться, да еще организовать в столь же эффективную структуру, как и Орден... Неизвестно, как они это сумели сделать, но новость была явно не из лучших. Петрарх тем временем сделал паузу, будто ожидая реакции Йонаша.

– Я весь внимание, Ваше Святейшество!

– Они по-своему узнают о том, что происходит в мире, и сейчас они весьма озабочены. Они ждут возвращения Песни. Ждут и боятся ее. Ты не удивлен?

– Но ведь и мы ждем того же! Только не боимся. Уже сколько времени ждем. Что же в этом удивительного?

– Они ждут ее возвращения сейчас! Теперь понял?

– Прямо сейчас?? – Если бы не уважение к старшему, Йонаш бы улыбнулся. Уже сколько веков все бабки в окрестных горах пугали непослушных внуков легендарным Певцом, который придет с огромной лютней и накажет всех плохих людей. Бабки, естественно, грозили, что он накажет и непослушных детей, после чего на время малыши притихали. Детвора же постарше уже не поддавалась на такие угрозы и с удовольствием играла «в Певца», когда водящий, размахивая, за неимением лютни, огромной палкой, должен был передать эстафету кому-нибудь другому, «исправив» его на свой лад. Разумеется, все в горах знали это пророчество, но как-то уж так сложилось, что никто теперь не верил в приход легендарного спасителя мира при своей жизни. – Но насколько следует принимать во внимание их мнение?

– Чем серьезнее, тем лучше. Это правда, Эрон. Мы и раньше видели некоторые знамения, а также указания в священных текстах, но после того, что мы узнали от этого человека, смутное стало ясным, а непонятное очевидным. Что ты скажешь о таких словах: «Плоть восстанет на дух, но дух излечит плоть ради спасения души»?

– Нас учили, что этот эпизод говорит о победе духа человека на земным, мирским, что это путь спасения.

– Правильно. А теперь сопоставь это вот с чем. Ты знаешь, что мы умеем находить в наших священных книгах фрагменты, касающиеся любого живущего на свете человека, если только мы знаем о нем достаточно много. Так вот, мы проделали этот поиск для тебя, для твоего нового знакомого и еще для одного человека, о котором он нам рассказал и которого он должен был убить вслед за тобой. И всем вам троим выпали этот и некоторые другие фрагменты. Причем для тебя ударение было на слове «дух», для твоего бывшего противника на «плоть», а для этого третьего – на «душу». «Плоть восстанет на дух» – вы ведь встретились далеко не дружелюбно, причем напал он, «но дух излечит плоть» – ты его привел сюда и избавил от одержимости, «ради спасения души» – уже одним этим ты избавил этого третьего от встречи с убийцей, по крайней мере, с одним. Что ты на это скажешь?

– Если там так сказано, значит, так и должно быть, хотя мне странно такое объединение с этими двумя совершенно незнакомыми мне людьми. Кроме того, из ваших слов я понял, что пророчество уже сбылось, поэтому мне не очень понятна важность этого факта. Разве что еще одно подтверждение Книги?

– Ты спешишь в суждениях, Эрон. Я ведь сказал не весь стих, ты, верно, и сам помнишь, но все-таки прочти, что там говорится дальше, хотя бы до точки.

Йонаш взял протянутую ему книгу, сконцентрировался и начал читать:

– «Во дни затмения плоть восстанет на дух, но дух излечит плоть ради спасения души, хранящей Песню, которую они вместе вернут в Мир». – Йонаш удивленно взглянул на петрарха и спросил: – Вы считаете, что этот третий и есть Певец?

– А кто же еще? – ответил тот. – Более того, пока что он лишь Хранитель ее, а принести ее в Мир можете только вы вдвоем. Не случайно против тебя послали именно Йолана – так его зовут. Они рассчитывали на смертельную схватку, при этом, чем бы ни кончился бой, кто бы ни остался в живых, другого не хватило бы, чтобы Песня вошла в Мир. Они неглупы, эти адепты нечистого, с которыми вам предстоит сразиться. Спрашивай еще.

– Мне бы хотелось услышать все, что вы сочтете нужным мне сказать. Прежде всего, что от меня ожидается.

– Ты с Йоланом должен найти этого третьего, уберечь его от Черного Ордена и уберечь самих себя, а затем объединиться с ним. Что произойдет после, и для меня скрыто тайной, но, очевидно, это должно выпустить в Мир ту самую Песню, которая надолго изгонит зло из нашего мира.

– Могу ли я доверять Йолану?

– Сейчас он раскаивается и совершенно искренне. Полагаю, большего ожидать пока нельзя. Дальше все в твоих руках. Кстати, он отправится в своем бордовом одеянии, на случай встречи с людьми оттуда. Это у них означает мастера – примерно то же самое, что у нас серый плащ. А вот твой черный для похода не годится – он у них соответствует нашему белому, а их магистра ты изобразить всяко не сможешь. Так что готовься к серому одеянию, которое заслужил. Заодно это у них это младший ранг, так что подозрений меньше вызовешь.

* * *

Дастина грубо втолкнули в затхлую темницу, и тяжелая железная дверь с лязгом затворилась. Донесся скрежет закрываемых шагов и шум удаляющихся шагов.

«Это безумие! Я никого не убивал... Спасти принцессу... Черные бестии... Этот меч и кинжалы... Что, во имя Праматери, происходит?» – мысли Дастина снова начали дикую круговерть.

– Повесят. Непременно тебя повесят, узник.

Дастин вздрогнул, будто его укололи острой иглой. В темнице был еще кто-то. Голос, доносившийся из совершенно темного угла, был полон того сарказма, которым отличаются безумцы или провидцы. Скорее первое.

Что-то пошевелилось во тьме, и голос вновь продолжил:

– Можешь до утра устроиться на ночлег. Только учти – не приближайся к моим апартаментам – я ужасно брезгливый и боюсь подцепить заразу. И потом – ты же ведь не станешь теснить своего благодетеля?

– Я? Благодетеля? Не стану... – рассеянно произнес Дастин, все еще не пришедший в себя.

– Ну и славненько. Стульев у меня нет, учти. Садись на пол и рассказывай мне свою историю. Мы с Генриэттой слушаем...

– Генриэтта?

– Ну да, Генриэтта, – удивленно фыркнул незнакомец в углу. – Эти маленькие серые бестии, что вечно голодными рыщут по моим покоям... Я подружился с одной из них. Моя несравненная Генриэтта. Я как-нибудь тебя с ней познакомлю. Если, конечно, тебя завтра не повесят.

«Бестии!» – снова перед глазами Дастина возникли три жутких фигуры в черных балахонах, и в ушах стоял хрип Генриана.

– Эй! Так ты будешь рассказывать историю или нет? Или, может, ты станцуеть или споешь? – требовательно произнес назойливый голос.

Внезапно мысли Дастина вновь прояснились, отчего-то этот странный узник позабавил менестреля, и весь произошедший кошмар как-то разом отступил куда-то далеко.

– Я, пожалуй, спою. Правда, у меня отобрали лютню, когда вели сюда...

– Ничего. Спой без лютни. Какая разница. Лишь бы только это была не скучная и занудная баллада, коими трубадуры увлекают шлюх благородных кровей.

Дастин рассмеялся. Этот чудак ему отчего-то пришелся по душе. И неважно, что его самого обвиняют в убийстве и собираются судить. Это завтра. А сегодня – общество веселого безумца и песня...

– Будь по-твоему, незнакомец. Я спою тебе веселую песенку про упрямую тучку...

Дастин запел. Ту самую песню, которую ему всегда пела его мать. Юноша вспомнил свой дом в Бренсалле, свое детство... Большой каменный дом на Рыбачьей Улице, где жила огромная семья рыбака Кальхо – приемного отца Дастина. Когда мальчик подрос, ему рассказали, что он подкидыш и настоящие родители неизвестны. Но Дастин любил своих приемных родителей – они были единственные в его жизни люди, которые дарили ему семейное тепло... А потом их забрал ужасный мор, а Дастин после скитаний по Леогонии с труппой бродячих артистов попал во дворец Короля, став придворным менестрелем...

Он пел о маленькой капризной тучке, которая отказывалась поливать дождем огороды крестьян, а те вызвали Дядюшку Ветра, чтобы проучить строптивое дитя Природы. И удивительно живые картины детства предстали перед менестрелем. Под звуки собственного голоса он отрешился, дав волю своим мыслям. И они понеслись куда-то вдаль. Одна за другой сменялись картины прошлого, и вскоре Дастин увидел странные неведомые места. Он уже не слышал своего голоса, не видел маленького, залитого звездным светом оконца под потолком сырой темницы.

Широкой лентой протянулась вдаль могучая река. Там, на горизонте, высились неприступные горы, подминая под себя зеленую долину. По берегу реки шли двое. Дастин разглядел одеяния путников – один в бордовом, другой – в сером. Идущие приблизились, и менестрель увидел их лица. Они казались ему до боли знакомыми. Словно он где-то их видел. Дастин силен, пытаясь вспомнить, где и когда это могло быть? И почему-то это было очень важным – вспомнить тех двоих. От бессилия у юноши заломило в висках, и он вздрогнул.

И увидел узницу, слабо освещенную звездным светом, и пронизательные глаза, смотрящие на него в упор. Владелец этих очей был уже немолодым лысоватым человеком маленького роста с небольшим брюшком и ужасно изуродованными руками.

Незнакомец долго всматривался в лицо Дастина, пока наконец не произнес серьезным тоном:

– Ты необычный узник. И те двое тоже не просто так...

– А ты... тоже видел тех? – сглотнул Дастин.

– А то как же! – удивился коротышка, снова заговорив с той самой иронией, что так понравилась Дастину. – Еще как видел. И они почему-то кажутся знакомыми. Да и ты тоже мне знаком. Только не пойму, откуда.

– Я тоже не пойму, почему у меня возникло ощущение, будто я знаю тех двоих, – произнес Дастин. – Хотя тебя, почтенный, я не знаю.

– Хо! В этих краях меня кличут Онтеро, сюда меня запихали эти выродки, что мнят себя всемогущими магами...

– Как, вы знаете Волшебников с Архипелага? – удивился Дастин. С раннего детства он любил истории о знаменитых Магах с Островов в Великом Море, но ни разу не встречался с ними, хотя тайком мечтал об этом всю свою жизнь.

– Фи! – фыркнул Онтеро. – Да я сам маг и чародей. О, Эст-Арви. Это прекрасный остров. Но там живут уму непостижимые тупицы. Знаешь, парень, а ведь они меня изгнали много лет назад. За ересь. Я ушел и долго жил в Корранском лесу. Так нет – выследили ищейки этого

Акрата и упрятали сюда. И видишь – коротышка показал свои руки. Они были ужасно искалечены, казалось, что по самый локоть не осталось живого места. – Они били меня железными прутами. И теперь я не могу творить заклятие, ибо помимо Слова и Силы мне нужны мои руки. И они боятся меня. Боятся даже убивать. Мертвый колдун страшнее живого – так говорят в народе... Только каждый месяц они присылают палача, чтобы он снова уродовал мои начинающие заживать руки... А кто ты, мой юный друг? И за что ты тут? – внезапно спросил Онтеро.

– Меня обвиняют в убийстве принцессы...

– Ого! – колдун цокнул языком.

– Я придворный менестрель, зовут же меня Дастин...

Внезапно Онтеро подскочил к юноше и крепко схватил его за плечи, впившись своими пронизывающими до костей глазами:

– Повтори, как ты себя назвал.

– Я сказал, меня зовут Дастин.

– Хм. Тот-с-Именами тогда мне говорил. – Онтеро отпустил менестреля и словно уже разговаривал сам с собой, не замечая присутствия юного барда. – Меретарк давно разрушен, Он исчез, а вот же... Дастин. Я понял, на кого он похож – неужто Корджер снова вернулся? Сколько раз я был с ним, помогал ему. Он не упомнит. А я помню. Меняется мир, меняются имена, все забывается, а кое-что я все же помню... А скажи-ка, Дастин, – Онтеро вновь повернулся к менестрелю, и в глазах его горел странный огонь. – Кто твои родители?

– Мне рассказывали, будто я подкидыш, и...

– Довольно! Если я прав в своих суждениях, то мы не только выберемся отсюда, но и натворим еще много чего интересного.

– Но как? Как же мы выберемся отсюда? Отсюда невозможно вырваться, и потом, даже если мы бежим, нас непременно схватят. А с твоими руками и моей больной ногой...

– Пустяки, мне бы восстановить Силу Рук, хромоту мы твою вмиг поправим. Слушай меня внимательно. Ты сейчас начнешь петь. Пой что угодно, только постарайся ни о чем не думать, как будто поешь не ты, а слушаешь со стороны. Ну как совсем недавно ты пел. А дальше я помогу тебе сделать то, что нам нужно.

– Но как же я смогу петь и ни о чем не думать?

– Сможешь, поверь мне. И не только это сможешь. Только если я не ошибаюсь. А теперь начинай.

Дастин пожал плечами и начал петь. На этот раз это была «Соната Весенней Любви» – длинная романтическая баллада древности. Сначала у менестреля не получалось то, чего хотел от него Онтеро. Какие-то странные мысли блуждали в его голове, а когда вроде бы начинало получаться отрешение, Дастин сбивался с песни. Приходилось начинать заново. Онтеро терпеливо ждал.

И наконец юноша понял, что странное ощущение пришло. Он вновь не видел темницы и уже не слышал своего голоса. Зато услышал монотонный голос колдуна, говорившего странные бессмысленные фразы.

– ...Луна плещется в Заводи Времени, и Дождь Излигера ниспадает на Покров. Падай, Звезда. Жги Нетопыря, ибо Узревший Пламя твое не падет в Пучину Эала... Песня слетает с Нетленных Уст, дарована Песня, и первая нота ее ныне ведет свой Луч во Царствие Сна, где дремлет Безрукий Фахак...

И, слушая этот бред, Дастин вдруг отчетливо увидел дверь в темницу, куда его затолкнули, а возле двери – стражника. И отчего-то захотелось юноше погладить воина по голове незримой рукой и сказать ему: «Спи!». Тотчас часовой мирно задремал, прислонившись к стене. А голос Онтеро все продолжал:

– ...И Имеющий Клык водрузил Знамя Кетхе, повелевая всем Сушим и Небывалым, опустошая Чашу. Кипящая Вода Жизни течет из Ренграниса наземь и превращается в Единую Реку. И это – Яд и Эликсир. Найти Средину Реки – удел только Избранных... Эликсир лечит. А время Яда еще не пришло...

Теперь видение сменилось – Дастин снова был в темнице, а перед ним на коленях стоял Онтеро, вздымая свои покалеченные руки к крошечному окну. И звездные лучи сгустились, заполняя подземелье призрачным синим светом. Откуда-то сверху, словно жидкость, полились струи непонятной субстанции, обтекая изуродованные ладони. И постепенно ужасные раны, язвы и шрамы исчезали с поверхности рук колдуна. Внезапно Онтеро выпрямился и, словно зачерпнув пригоршню чего-то, резко вскинул руки навстречу менестрелю. Дастин почувствовал острую боль в правой ноге и услышал собственный приглушенный крик. Видение оборвалось, окончилось и песня.

Юноша встряхнул головой и обвел взглядом темницу. Возле стены, под окном стоял, улыбаясь, лысоватый маг. Его руки были скрещены на груди. Совершенно здоровые руки. Без единой царапины. Значит...

Дастин встал и сделал несколько шагов. Его нога совершенно не болела, хромота напрочь исчезла.

– Это не сон, Онтеро? Как ты...

– Нет, не я, мальчик мой. Ты! Это ты нас исцелил и усыпил стражу, охраняющую нашу темницу. Я лишь помог тебе Словом. И все же я не ошибся. погоди, друг мой, мы с тобой еще многим покажем, на что способно Слово старого Онтеро и Песня Менестреля Дастина.

– А что же теперь? Как мы выберемся отсюда? Ведь мы же не пролезем в это маленькое окошко... Или, быть может, ты превратишь нас в птиц?

Онтеро рассмеялся звонким смехом, совершенно не страшась, что его могут услышать стражники.

– Ну нет, чтобы применять Знания Метаморфозы, нужно иметь очень много сил и времени, чтобы подготовиться. А ни того, ни другого у нас, к сожалению, нет. Но, Дастин, ты, надеюсь, не забыл мою подругу Генриэтту? Эй, малышка, сослужи-ка нам службу...

Тотчас откуда-то из угла на середину темницы метнулась серая тень. Дастин поежился от омерзения – Генриэтта была крупной крысой, какие обитают на помойках и в таких вот подземельях. Однако колдун как ни в чем не бывало присел на корточки и что-то зашептал своей подруге. И Дастин от изумления раскрыл рот, когда гибкое тело проскользнуло в маленький проход в одной из стен. А через некоторое время Генриэтта вернулась, держа что-то в зубах. Когда менестрель разглядел добычу крысы, его удивлению не была предела – подруга Онтеро принесла связку ключей от темниц.

– Ну вот и отлично, малышка. Благодарю тебя. Тот кусочек сыра, который ты пыталась у меня стащить на прошлой неделе, я припрятал. Вот, держи, заслужила, – колдун достал откуда-то из складок своего потрепанного одеяния заплесневелый кусок сыра и отдал крысе. Генриэтта схватила награду и тотчас исчезла в темном углу. Онтеро подобрал с грязного пола сверкающие ключи и улыбнулся:

– Что ж, Дастин, пора выбираться из этого непристойного для нас заведения.

Колдун подошел к железной двери и, долго поискав нужный ключ, отпер ее. Затем, высунав голову и оглядевшись вокруг, он махнул рукой и выскользнул из темницы.

Дастин кинул последний взгляд на узницу и последовал вслед коротышке.

Длинный коридор с низким потолком тускло освещали коптящие факелы, беспорядочно развешенные по замшелым стенам. Тишину нарушали лишь треск горячей смолы и где-то монотонно капающая вода.

Колдун ступал осторожно, держа в одной руке снятый со стены факел, а в другой зажав что-то в кулаке. Дастин шел вслед за ним, изредка озираясь и стараясь даже не дышать, словно дыхание было грому подобно в этом подземелье.

Внезапно послышался шум: кто-то шел впереди, за поворотом, негромко разговаривая. Онтеро метнулся к ближайшей двери и вжался в тень. Менестрель последовал его примеру. Стражники вышли из-за поворота и направились напрямиком к двум затаившимся беглецам. Шла смена караула.

Когда воины подошли почти вплотную к месту, где затаились колдун и юный бард, Онтеро внезапно выступил из укрытия, вскинул руку навстречу караульным, разжал кулак и произнес:

– Негес Алэе!

Стражники на мгновение остановились, в упор глядя на переливающийся в неярком свете факелов шарик на раскрытой ладони колдуна, и, как ни в чем не бывало, последовали мимо Онтеро, словно колдуна не было в этом коридоре. Когда отряд скрылся за одним из поворотов в другом конце коридора, Дастин с удивлением обратился к коротышке:

– Онтеро, что это было? Нас не заметили и...

– Сейчас не время, – серьезно ответил колдун. – Скажу лишь, друг мой, что нам еще предстоит не раз применить Слово, Силу и Руку, чтобы выйти из этого проклятого подземелья. Опасаюсь, что у меня закончатся силы, прежде чем мы выберемся отсюда. Поэтому будем стараться пробираться как можно тише, тайком...

И они продолжили свой путь. Вскоре они благополучно миновали выход из подземелья. Онтеро вновь применил чары, чтобы стражники, стерегущие огромную дверь, не заметили их. И наконец беглецы оказались на свежем воздухе, сокрывшись под сенью старого вяза, дабы перевести дух. Онтеро глубоко и хрипло дышал, словно не мог отдышаться. Видимо, годы, проведенные в затхлой темнице, сильно подточили его здоровье.

Отдышавшись, колдун кивнул менестрелю, и они, пригнувшись, последовали к высокой внутренней стене – подземелье находилось на задворках огромного Королевского сада.

Стена была примерно в два роста человека. Каменная кладка порядком потрескалась, трава и лишайник покрывали ее, образуя целые проплешины бархатистого ковра. Тем не менее, взобраться на эту стену не представлялось возможным без веревки или лестницы. Но Онтеро, побродив около стены, отыскал дерево, ветви которого доходили почти до края ограждения. Пыхтя и изрыгая проклятия, он забрался на дерево и позвал менестреля. Дастин влез на дерево куда как проворнее и без лишних звуков. Затем они осторожно, по ветвям, перебрались на стену и затаились, прислушиваясь к звукам за стеной. Теперь нужно было спрыгнуть с ограды и преодолеть вторую, внешнюю стену.

Колдун прыгнул первым. Раздался звук, напоминающий падение тяжелого мешка, и какой-то непонятный булькающий вскрик. Дастин взгляделся вниз, пытаясь различить тело колдуна на земле.

– Онтеро, как ты? – прошептал менестрель.

– Ох. Да цел вроде. Только больно... Проклятая коряга, я не заметил ее, чтоб ее... – и колдун уже готов был осыпать проклятиями все коряги Западного Вильдара, но Дастин шикнул на него, и коротышка успокоился.

– Давай теперь ты. Прыгай левее, здесь мягкая трава.

Дастин аккуратно спрыгнул и приземлился на ноги, слегка согнув колени. Боли в правой ноге как не бывало. Неужто хромота, с самого детства мучавшая барда, исчезла?!

Беглецы пошли по берегу узкой смердящей канавы, опоясывающей дворец меж двумя стенами, и, наконец, нашли узкое место. Осторожно перепрыгнули через ручеек, причем Онтеро чуть было не поскользнулся и вновь не разродился руганью. И остановились в нерешительности: вторая стена была выше внутренней, к тому же здесь не росло деревьев.

– Как нам быть, почтенный Онтеро? – обратился к коротышке Дастин. – Нам здесь не перебраться обычным способом. Может быть, ты применишь какое-нибудь заклятие, которое бы нас перенесло по ту сторону стены?

Казалось, и Онтеро пребывал в нерешительности. Он игнорировал вопрос менестреля, продолжая осматривать стену. Потом уселся прямо на мокрую землю и задумался.

Менестрель подошел к стене и попробовал кладку. Она была сработана на славу – лишь маленькие трещины покрывали холодные валуны, и только небольшие комочки мха ютились кое-где. Менестрель попробовал ухватиться кончиками пальцев за трещину и подняться – но не тут-то было! Камни были, как назло, мокрыми и гладкими. Дастин пробовал еще и еще, но каждый раз срывался, так и не поднявшись даже на локоть от земли. Наконец, измучавшись и перепачкавшись грязью и слизью, он, озлобленный неудачей, сел неподалеку от застывшего в странной позе Онтеро.

«И зачем это все нужно? Нам не выбраться отсюда, – устало думал Дастин, кидая комки грязи в вонючую канаву. – А утром нас заметят и схватят. И казнят. Колдун был прав – меня наверняка повесят...»

Внезапно ход мыслей Дастина прервал радостный вскрик Онтеро. Коротышка вскочил, потирая от нетерпения руки.

– Друг мой, мы, похоже, спасены. Есть способ, чтобы выбраться отсюда. Придется снова соединить наши с тобой усилия. Ты снова споешь песню, а я немножко поколдую. Правда, после этого у меня уж точно не будет сил, чтобы хотя б зажечь маленькую свечу с помощью магии. Но не сидеть же нам тут до утра, пока нас не схватят?

Отчего-то Дастину не понравилась эта затея. Вновь петь... Странное, тревожное ощущение посетило менестреля. Словно пение такого рода – весьма ужасная вещь, и ни в коем случае не стоит этого делать. Но иначе никак отсюда не выбраться. И менестрель, отогнав от себя назойливые мысли, запел. На этот раз он не выбирал – первая попавшаяся соната сорвалась с его уст. И почти сразу же Дастин почувствовал знакомые ощущения. Стена и канавка исчезли, менестрель увидел свод колоссальной пещеры, причудливой формы сталактиты создавали удивительные арки и купола. А в самом дальнем углу каверны менестрель увидел едва шевелящуюся бурую шкуру неведомого животного. И тотчас донеслись странные слова волшебника:

– Небо залатает Кузнец, но прежде откроются Врата, и свободу обретет Хозяин Ветров, неся на крыльях своих Искру Познания. И пробудятся тогда от вековечного Сна Дети Грома. Яд из Чаши будет им пищей, наслаются они и обретут Мощь... Дитя Грома, я призываю тебя восстать и отдать свой Долг...

– Какой смертный дерзнул вторгнуться за Пределы Гьяхранна? – огромная шерстистая шкура имела неприятный скрипучий голос. – Убирайся прочь, не то я заберу твою жалкую жизнь.

– ...Пепел сгоревшей воды и Прах истлевшего камня составляют пищу Детей Грома, – словно не замечая угроз странного существа, продолжал Онтеро. – Восстань, Дитя, и будешь напоен Ядом из Чаши.

Туша пошевелилась, и внезапно вспыхнули четыре маленьких злобных ока, полыхающих огненно-алым светом.

– Ты?! – Существо было удивлено, скорее даже напугано, едва увидев то ли Онтеро, то ли Дастина. А может, еще кого-то или что-то. – Чего ты хочешь, Переддин? Я уже однажды расквитался с тобой. У меня нет Долга. Уходи.

Онтеро лишь монотонно продолжал:

– ...И крылья Хозяина Ветров затмят Солнце, дабы Ночь опустилась на Великую Гору. И откроются Пещеры Гьяхранна, и...

– Замолчи, Переддин! – заскулило Дитя Грома, раскрывая полную кривых, но удивительно острых клыков. – Я выполню то, что ты просишь. Ибо знай – не тебя устрасил Цуф-

фернингепп, а того, кто знает аккорды Изначальной Песни. Иди, Врата открыты. И забудь дорогу сюда. Мы квиты. – словно не желая больше разговаривать, существо закрыло глаза и вновь стало похоже на груды сваленных шкур.

Онтеро тотчас умолк. Но отчего-то странное видение не прервалось, как в прошлый раз. Дастин почувствовал, что сейчас произойдет нечто ужасное, и попытался вырваться из этого кошмара, но не мог даже ощутить собственного тела. Откуда-то сбоку появилась темная фигура и выступила на свет. Это был человек или нечто весьма похожее на человека. Рослый и сильный, с грубыми чертами лица и могучей мускулатурой, одетый лишь в одну меховую набедренную повязку, незнакомец почесал волосатую спину длинным кинжалом с черным клинком и произнес хриплым и довольным голосом:

– Гы, ну вот мы и встретились, Менестрель. Ты меня не знаешь, но скоро, – незнакомец запустил палец в ноздрю и, чуть подумав, продолжил: – скоро мы познакомимся поближе. Здесь и сейчас я не властен что-либо сделать. Но ты обнаружил себя – я рад. Теперь у меня будет меньше забот.

– Зато я знаю тебя, – прохрипел голос Онтеро откуда-то издалека. – Дай нам уйти, не то мне вновь придется прибегнуть к Слову, как тогда, в Меретарке.

Незнакомец усмехнулся во весь рот, открыв желтые заостренные зубы, но глаза, пронзительные нечеловеческие глаза были холодны, как лед:

– И ты здесь, Переддин. Ну что же, приятно встретить старых друзей. С тобой у меня было немало хлопот, только не вознось. Сейчас игра покрупнее будет. В общем, еще свидимся и, я надеюсь, в более приятной обстановке. Прощай, Певец. И помни – кое-кто ждет твою Песню, ведь ты споешь ее для меня, а?

И, захохотав, он исчез. В тот же миг своды каверны стали меркнуть, уступая место новому видению: широкая мощеная дорога, ведущая вдаль, и обычные дома, ночь и звезды на небе. Дастин обернулся – позади него была высокая дворцовая стена. Рядом стоял Онтеро, грызя ноготь.

– Онетро, что это было? Кто тот незнакомец? И почему они называли тебя Переддином? – обрушил град вопросов Дастин.

– Не сейчас, мой юный друг. Нам нужно двигаться дальше. Мы очень страшной ценой заплатили за переправу за стену. Пойдем, пока не закончилась ночь, нужно миновать городские ворота. И... забудь то, что ты видел. И особенно, я прошу тебя, – колдун строго посмотрел в глаза менестрелю. – Забудь имя, которое ты слышал.

И коротышка побрел по улице по направлению Южных Ворот Джемпира.

Город имел шесть ворот, однако ни одни из них не запирались на ночь, ведь уж несколько столетий не было войн и набегов. Лишь несколько часовых охраняли каждые врата, выпуская кого угодно и когда угодно, лишь за вход в город требуя пошлину.

Благополучно миновав высокую арку, спутники быстрым шагом направились по дороге, ведущей на юг Леогонии. Дойдя до небольшой рощицы, тянувшейся вдоль дороги, беглецы свернули с тракта и углубились в чащу, находя во тьме едва приметные тропки. До наступления утра им следовало как можно дальше уйти от Джемпира. А потом скрываться неизвестно где от неминуемой погони.

Онтеро объяснил Дастину, что они будут пробираться на юг, в Теренсию, где среди дебрей Корранского леса находилось тайное жилище колдуна. Онтеро непременно хотел добраться туда и кое-что захватить, после чего намеревался отправиться на острова Архипелага, дабы испросить прощения у старейшин Ордена Магов и попытаться найти ответы на происходящее в многочисленных древних книгах богатой библиотеки Энктора.

Путники шли молча, каждый думал о чем-то своем. И, когда начала занимать заря, беглецы добрались до заброшенной егерской избушки и остановились на отдых.

Впереди была трудная и опасная дорога. Вернее, бегство от преследователей. В том, что их уже начали разыскивать, не было никаких сомнений.

Глава 3

Йонаш сидел у небольшого бивачного костра и рассматривал Йолана. Теперь, когда лицо того не было ни скрыто капюшоном, ни искажено дикой злобой, перед Йонашем сидел еще очень молодой красивый мужчина с гордой осанкой и умными, внимательными и спокойными глазами. Движения его были полны какого-то изящества и абсолютной уверенности в себе, временами даже смахивающей на высокомерие. Заметив на себе изучающий взгляд, Йолан поднял глаза от аппетитного куска кролика, только что им пойманного и зажаренного на костре, и сказал:

– Ты что, вообще мяса не ешь?

– Ем, но стараюсь этого избегать. Тем более, мне вполне хватило хлеба, который мы съели раньше. Зачем есть больше, чем нужно?

– Для удовольствия.

– Бывают и другие удовольствия.

– Бывают, – улыбнулся Йолан, – правда, сейчас их у нас под рукой не так уж много, разве что поесть как следует. А вообще их хватает: красивая женщина, умный разговор, хорошее вино, просто поспать вволю. Только одно другому не мешает.

– Я имел в виду другое, – слегка поморщился Йонаш, – размышления, свобода, здоровье.

– Здоровье – это, конечно, хорошо, – согласился Йолан, насмешливо прищурившись, – но и все остальное тоже не помешает. Думаю, я смогу тебя научить кое-чему в жизни.

– Взаимно. Слушай, расскажи-ка лучше еще раз свою историю.

– Всю?

– Нет, как тебя послали.

– Ну, слушай.

* * *

В подземелье заброшенной башни, возвышавшейся почти на самом берегу Иглинга невдалеке от причалов Ирнара, спускались трое человек в длинных плащах с капюшонами. Первый, в сером плаще, нес коптящий факел, свет которого плясал и отражался в каплях сырости на стенах старой каменной винтовой лестницы. За ним властной походкой шли двое в бордовых плащах и говорили друг с другом.

– Теперь ты понимаешь свою задачу, Йолан? – спросил один старым холодным голосом.

– Да, брат Егард, но чем же так опасны эти двое нашему делу? – второй голос был куда более молодым, хотя и не менее холодным и властным.

– Об этом не нам судить. Если Великой Жрице сам Хозяин сказал, значит, так и есть. Ты же знаешь, как редко он что-либо указывает прямо.

– Да уж, – усмехнулся молодой, – хотя и нельзя ее винить. Она его частенько вопрошает.

– Что ты имеешь в виду? – холодно поинтересовался старик.

– Да ничего. Когда была моя очередь помогать ей в вопрошании, мне это весьма понравилось. Да и остальные вроде довольны остались. Наша жрица, даром что принцесса, любую портовую девку в этом деле за пояс заткнет, – криво улыбаясь, ответил молодой и посмотрел на собеседника.

– Думай, что говоришь, – властно одернул его тот.

– Да, ладно, все в порядке. Вот и пришли, заходим?

Все трое действительно уже спустились и подошли к крепкой дубовой двери в стене подземелья.

– Да, – ответил старик, – заходим, магистр уже ждет нас.

И, оставив факелоносца снаружи, они постучались и зашли. Просторная комната за дверью была погружена в полумрак и освещалась лишь одним факелом на дальней стене. Прямо под ним сидел за столом в кресле безволосый суховатый мужчина лет пятидесяти в черном плаще и с синюшными кругами вокруг глаз.

– Вот и вы, – задумчиво сказал он. – Садитесь, я дам тебе последние инструкции. Итак, повтори задание.

– Я должен отправиться в Белые Горы и подстеречь там молодого монаха по имени Йонаш. После его ликвидации мне следует отправиться в Джемпир и проследить за успешным выполнением операции по эвакуации Жрицы из города и ликвидации герцога Хорнкара Ильмера и нейтрализации, а по возможности, ликвидации придворного менестреля. Как я понял, герцог мешает лично Жрице, а монах и менестрель указаны ей ниже.

– Да уж, ниже пояса, – пробормотал лысый. – Но, – продолжил он уже громче, – тебе известна причина, по которой эти двое представляют для нас опасность.

– Нет, но я готов выполнить любое задание.

– Знаю, – кивнул головой лысый, – Но на этот раз тебе еще и объяснят, что к чему. Знаешь предсказание о Песне и Певце?

– Да, магистр, но я полагал, это все весьма нескоро.

– Уже. Это менестрель. А монах послужит катализатором, который поможет менестрелю полностью обрести свой дар и направить его в нежелательную для нас сторону. Теперь понял?

– Да, Ваша Темность.

– Так уж вышло, что одной операцией мы сможем убить несколько зайцев. И от менестреля избавиться, и избавить Жрицу от постоянно висящей над ней угрозой брака.

– Вообще-то, – заметил старик, который до сих пор стоял в стороне и молчал, – она могла бы и потерпеть. Лучшего прикрытия, чем дочь короля, для нашего Ордена и желать нельзя.

– Помолчи, Егард, – оборвал его лысый, – ты же знаешь, законный брак лишит ее силы.

– Ну, без брака это ей не мешало, – ответил тот, – чего ж вдруг теперь помешает? А кроме того, Вейерг, жрицу можно и другую завести, а другой принцессы у нас не будет.

– Ты сам знаешь, почему. Король хоть и не верит ни в бога, ни в черта, а формальности все же постарается соблюсти. А герцог, тот вообще к илинитам тяготеет. А церковного обряда ей не перенести. И ее способности заставляют нас пожертвовать ее положением. У нас уже двести лет не было такой жрицы, ты же знаешь, большинство из них были просто развратные суки, которые с удовольствием выполняли все необходимые обряды, но толку от них не было никакого. А эта уже, готовясь к своему месту, нащупала каких-то демонов за Гранью. И сейчас это она нас предупредила о Певце.

– Хорошо, Вейерг, я готов.

– Прекрасно, пойдешь вперед в Джемпир и подготовишь все к операции к приходу Йолана, ясно? Возьми с собой трех младших и отправляйся сегодня же. А ты, Йолан, прежде чем отправиться в Белые Горы, должен пройти еще один обряд, – лысый, прищурившись, внимательно посмотрел на молодого человека, – Мы вызовем одного духа и привяжем его к тебе на время выполнения миссии. Он поможет тебе справиться с врагами.

– Я думал, что и сам справлюсь...

– Не спорь, это решено. Ты сам не знаешь, что тебе предстоит. Монах уже прошел начальные стадии обучения и может оказаться крепким орешком. А уж менестрель... Только бы он не вспомнил Песню раньше срока. Иди сюда и садись перед зеркалом. Егард, помоги! Вызов Круппернгузупфа.

Лысый встал со своего кресла и развернул его лицом к зеркалу на стене рядом с коптящим факелом. Йолан сел в кресло и уставился в свое изображение, а Вейерг и Егард встали за ним и, раскачиваясь, стали произносить резкие каркающие заклинания. Постепенно изоб-

ражение Йолана в зеркале преобразилось, и вместо молодого красивого человека появился когтистый злобный монстр с кривыми клыками и капающей с них слюной, складчатой бородавчатой мордой, способной быть лишь карикатурой на лицо человека, шипастыми лапами и злобным пронзительным взглядом маленьких свиных глазок. Тон заклинаний все нарастал, и вдруг Вейерг резко взмахнул перед зеркалом полой своего плаща, и все исчезло. В зеркале опять отражался Йолан. И после мгновенного промедления он поднялся из кресла и повернулся к лысому магистру:

– Ты звал меня, мастер? Я готов.

* * *

– Марта, да запрети же, в конце концов, дверь! Совсем спятила, что ль? Выгляни на двор, ишь, буря разыгралась...

– Ой, батюшки! Бедняжка Ваннара, умрет ведь, ох, Боги, за что ж напасть такая-то?

– Да замолчи, Марта! Правду говорят: баба – дура. Кому сказано – запрети дверь.

– Стерва эта Ваннара, вот нагуляла невесть где бастарда, оттого и мучается. Давно говорил, отец, взашей ее надо было...

– Заткнись, Даргод. Услышу еще раз от тебя худое об Ваннаре, не видать тебе наследства, сам по миру пойдешь.

– Невелико горе, отче. Одно слово, нищие мы теперь, что толку от наследства? Старый фургон да сарай с навозом. Вон Ротвальду и то больше достанется.

– Ах ты щенок! Да как ты...

– Отец, тут человек какой-то чего-то спрашивает...

– Кто таков? А ну... да уйди с дороги, дура... Кто таков?

Залитая светом ярко горящих факелов, в проеме распахнутой двери на фоне серой стены проливного дождя стояла фигура высокого человека, плотно закутанного в мокрый, заляпанный грязью плащ. Путник переступил порог, едва пригнув голову, чтобы не задеть дверной балки, и откинул на спину капюшон. Спокойные карие глаза оглядели просторный холл. Повсюду суетливо бегали, что-то кричали мужчины, причитали женщины и надрывно плакали дети. Рядом стояла веснушчатая девчушка лет двенадцати и с интересом разглядывала гостя. Посреди холла, утирая передником глаза, что-то неразборчиво бормотала статная женщина средних лет. Неподалеку, подбоченясь, стоял прыщавый юнец, едва достигший совершеннолетия. Навстречу вошедшему спешил грузный бородач в богатом шелковом халате, вперив отнюдь не дружелюбный взгляд на незваного гостя.

– Кто таков? Чего надо, почтенный? У нас тут не трактир, на ночлег не принимаем...

– Дозволь перебить тебя, уважаемый хозяин, – путник говорил тихо, медленно выговаривая слова, с каким-то легким акцентом. Он, похоже, совершенно не придавал значения грубому тону, с каким разговаривал бородач. Войди сюда кто-нибудь, имеющий на поясе меч, дорого бы заплатил за свою «гостеприимность» хозяин... Но у незваного гостя не было меча. Не было вообще ничего, кроме грязного плаща, кожаной куртки, штанов да сапог. Лишь кривая почерневшая ветка была в руке знакомого, вероятно, служившая тому посохом. – Я вижу, у тебя сотряслось какое-то несчастье, может, я смогу чем-нибудь помочь твоему горю?

– Иди своей дорогой, путник. Старому Артану не нужна твоя помощь. Марта, закрой же наконец дверь... Э, нет, стой. Проводи этого до двери сначала.

– Погоди, Артан. Негоже так говорить... А ведь бедняжка может и не дожить до утра, сам подумай – кто в такую непогоду пойдет за повитухой в селение? – путник сказал это и пристально посмотрел в глаза хозяину. Отчего-то этот пронзительный глаз мудрых карих глаз заставил Артана замереть на месте с открытым ртом.

– Эй, старый дурень, слышал, чего незнакомец говорит? Пусть посмотрит на Ваннару, а там, глядишь, может, и поможет. Он нам не в тягость – пусть хоть переночует, дождище вон какой на дворе. Почто гнать человека-то?

Артан недоуменно моргнул и закрыл рот. Красная краска залила скуластое лицо хозяина.

– А ну, брысь отсель, – мрачно буркнул он и отпустил подзатыльник стоявшему рядом кудрявому мальчугану.

– За что, дед? – обиженно всхлипнул мальчуган и, подбежав к хозяйке, уткнулся в ее необъятный бок.

– Да ну вас. Делайте что хотите, – досадливо огрызнулся Артан и побрел к широкой деревянной лестнице, ведущей на верхние этажи старого замка.

Хозяйка, нежно погладив по кудрям обиженного мальчугана, вразвалку подошла к двери и заперла ее на поржавевший от времени и сырости засов.

– Проходи в дом, путник, гостем будешь. Чем богаты, тем и рады. Не суди строго Артана. Нынче дочь его приемная, умница наша, Ваннара, при смерти. Схватки у ней. Да ты... ты и сам знаешь вроде.

– Не беспокойся, уважаемая Марта. Поведи меня скорей в покои, где лежит несчастная. Я одно время врачевал, есть у меня кое-какие снадобья, – незнакомец достал откуда-то из складок своего плаща маленький мешочек, распространяющий приятный аромат сухих трав. – Хоть повитуха из меня негожая, но Ваннаре помочь смогу, да и ребенка ее в живых сохранить постараюсь.

– Не чародей ли ты, часом? – подозрительно поглядела на гостя Марта. Было что-то в этом незнакомце весьма странное. Этот нездешний говор. Карие глаза – испокон веков в Хорнкаре жили светлоглазые и русоволосые. Не иначе чужеземец из дальних земель. Лицо – узкое, нос тонкий, с небольшой горбинкой. Темные, с красивой проседью на висках волосы, зачесанные наверх. Тонкие губы, ямочка на подбородке. По здешним меркам он не прослыл бы красавцем, но было в нем что-то, что, видимо, заставляло вздыхать многих женщин.

– А что, в здешних краях не любят волшебку? – усмехнувшись, поинтересовался чужак.

– Не то чтоб очень. Но коли худое замышляешь, знай – в доме нашем много оружия, и найдутся достойные мужчины, дабы злу ходу не дать...

– Будь спокойна, почтенная хозяйка. Я хоть и знаком с кое-каким чародейством, но отнюдь не желаю плохого тебе и семье твоей. А Ваннаре искренне помочь хочу, поверь мне.

– Вижу, правду говоришь, путник. Эльда! Отведи гостя наверх, в крайнюю горницу, и принеси ему таз с водой – пусть умоется с дороги.. Да поживей.

– погоди, хозяйюшка. Не время мне мыться, одеваться. Веди к роженице, неровен час, помрет бедняжка.

– Ох, чует мое сердце, неспроста заявился ты... Как зовут-то тебя, скажи?

– Называй меня Корджером. Корджер из Меретарка.

* * *

– Дастин, лови ее! Скорее! Ну же, вот неповоротливый... И за что ты навязался на мою голову. Лови-и-и!!! – пронзительно верещал лысый коротышка, яростно размахивая руками. А по поляне, изредка припадая к земле, бегал юноша. От него во всю прыть удирали зайчиха.

– Ну вот, опять голодными остались, – проворчал Онтеро, когда запыхавшийся бард без сил свалился в мягкую траву. – И все ты... Говорил же – осторожнее надо, не спугнуть, а потом – раз! Хватать надо было... А он попер... Бездарная ты личность, друг мой Дастин.

– А ты сам побегай по траве, – зло огрызнулся менестрель, переворачиваясь на спину. Солнце стояло в зените, немилосердно посылая на землю жгучие лучи. Спасительная тень деревьев предательски манила, но урчанье в голодных желудках заставляло беглецов позабыть

о жаре. – Что, опять будем искать эти треклятые корни? Онтеро, я не червяк, мне надоело есть всю эту гниль.

– А ты думал, я тебе на блюдечке ужин принесу? Привык, небось, в королевском дворце жаркое вином запивать?

– Да иди ты... Я ел, как все слуги, – хлеб, вода да яблоки.

– Ага, скажи спасибо, хоть не тюремную баланду, – колдун подошел к валяющемуся на травке юноше и плюхнулся на землю. Затем достал из найденной в охотничьей избушке сумки старый, залатанный во многих местах кожаный бурдюк и, развязав горлышко, хлебнул холодной родниковой воды, набранной путниками загодя в лесу.

– Дай попить, – устало произнес бард, протягивая руку к бурдюку.

Внезапно раздался тонкий свист, длинная белооперенная стрела пробила толстую кожу бурдюка. Онтеро вскрикнул и упал в траву. Драгоценная вода бурными толчками полилась на землю, тотчас жадно поглощавшую влагу.

Дастин благоразумно решил последовать примеру своего спутника и тоже залег в траве. Неведомый стрелок не показывался.

Прошло немало времени прежде чем откуда-то из леса прозвучал голос:

– Эй вы. Хватит валяться. Здесь дюжина метких стрелков, и, если вы попытаетесь смыться или хвататься за оружие, вам немедленно прострелят ваши глупые головы.

Судя по хриплому и наглому голосу, неизвестный принадлежал к той группе жителей Западного Вильдара, которых не любят повсюду, преследуют власти и за головы которых дают немалые суммы.

– Тьфу ты, нелегкая – сплюнул Онтеро, нервно дергая траву рядом с собой. – Разбойники, туды их в колоду! Ну, друг мой, Дастин, видать, попались. Не одно, так другое. Чего будем делать? Говорить с ними бесполезно – чуть что заподозрят – нож под горло... Хотя, может статься, глянут на нас – беглые, денег нету, может, и отпустят. Но уж больно я сомневаюсь... Эх, силушки б мне...

– Ну чего вы там? А ну вылазь, кому сказано!

– Эй, погоди, добрый человек, – крикнул Дастин. – Мы люди бедные, денег у нас нету, отпусти нас, мы пойдем своей дорогой.

– Ага, как бы не так. Выходи, там разберемся, какие вы бедные. Живо!

Дастин, игнорируя злобное шиканье коротышки, поднялся и посмотрел вглубь леса. Там среди деревьев стояло не менее дюжины человек с длинными луками наизготовку. Еще с полдюжины с огромными секирами стояли на другом краю поляны. Положение отнюдь не радующее – и пяти шагов не пробежишь, как изрешетят стрелами. О меткости лесных стрелков давно ходили легенды.

И тут, как гром среди ясного неба, прозвучал знакомый властный голос:

– Именем Короля Леогонии, вы арестованы, господа разбойники. Немедленно сложите оружие.

Дастин резко обернулся, отчего хрустнули шейные позвонки.

Позади на красивом пегом жеребце гордо восседал герцог Хорнкарский. И полсотни всадников из королевской конницы медленно обнажали мечи.

– Этих двоих взять живыми! – отдал приказ Ильмер и, надвинув на лицо забрало, хлестнул жеребца.

Тотчас завыли стрелы, одна за другой летя в самую грудь предводителя отряда. И, как ни в чем не бывало, они отскакивали от искусно сработанных доспехов герцога. Дорогие латы гномьей работы были не по зубам тонким стрелам.

Лучники скрылись в лесу, уступая место меченосцам и воинам с секирами. Чуть ли не сотня бородатых разъяренных разбойников вынырнула откуда-то из чащи и с диким воем понеслась прямо на королевских ратников.

Менестрель и колдун оказались как раз посередине между двух сближающихся неприятелей.

– Бежим! – закричал Онтеро и очертя голову ринулся в сторону. И откуда у этого коротышки взялась такая прыть! Молодой бард едва успевал за колдуном, всюду улепетывающим с поляны. Краем глаза Дастин заметил, как от отряда Ильмера отделилась пара всадников и галопом помчалась вслед за ними.

Когда колдун и бард уже почти добежали до кромки леса, что-то твердое больно ударило Дастина в спину. Юноша упал навзничь, кровь залила глаза.

Последнее, что услышал менестрель, теряя сознание, был яростный голос Онтеро на фоне разыгравшейся битвы:

– Меглери Эт танаар!..

* * *

... Сначала было Ничто. А потом медленно возникло Нечто. Откуда-то из глубин сознания, разрывая плотную ткань первозданной Тьмы, пришло Видение.

Их было двенадцать. Они были красивы, хотя и не принадлежали человеческому роду. Неправдоподобно правильные черты лиц четко выделялись в неизвестно откуда исходящем ярком свете. Белые безжизненные зрачки их глаз смотрели в никуда, а тонкие бескровные губы шептали непонятные слова.

А потом они все разом запели. Монотонно, в один голос...

Это была неземная, чарующая музыка. Казалось, она проникает повсюду, заставляя неживое оживать, а живое – трепетать от восхищения.

Это была Великая Песня, и Он знал, что должен дослушать ее до конца. И Он, помимо своей воли, начал вторить их голосам. Откуда он знал мелодию? Откуда-то пришла мысль, что Он слышал ее уже дважды... Нет, то была не та Мелодия, но то были дополняющие аккорды. Он знал, что не только может спеть эту Песню, Он догадывался, что в силах изменить ее, дополнить и спеть заново. Но сейчас нужно любой ценой запомнить то, что поют эти двенадцать неведомых созданий.

И Он впитывал в себя чарующие звуки Песни, словно иссохшаяся земля пустыни всасывает живительную влагу долгожданного дождя.

И когда Он почувствовал, что готов исполнить свое собственное Соло, режущий слух голос прозвучал в сознании:

– Он дышит, Тич, смотри, он дышит!!!

Видение померкло, и вместе с ярким светом в Ничто растворились последние аккорды Мелодии...

* * *

– Скорее, мальчик, принеси воды! Он пришел в себя. Он ЖИВ!

Дастин с трудом разлепил тяжелые веки.

Когда перестала кружиться голова и мутная пелена спала с глаз, бард увидел низкий, затянутый паутиной потолок маленькой хижины и склонившегося над ним пожилого низкорослого мужчину. На круглом лице играла добрая улыбка, на лысине сверкали отблески висящей под потолком зажженной лучины.

– Мальчик мой, слава Алтарям Архипелага, ты жив. Тич, маленький прохвост, неужто твои вонючие снадобья помогли? – коротышка добродушно расхохотался.

– А то как же, почтенный Онтеро. Как говорила мне моя прабабка Эльзуба, из меня вышел бы неплохой врачеватель, не появись этот мерзавец Лесли, – прозвучал задорный маль-

чишеский голос, и в поле зрения барда возник тощий огненно-рыжий паренек лет пятнадцати с весьма острым подбородком и не менее острым носом. «Чем-то смахивает на лису,» – подумал Дастин, делая глубокий вдох.

Менестрель тотчас пожалел об этом. Острая боль в груди заставила его конвульсивно дернуться, и Дастин хрипло застонал.

– Э, погоди, уважаемый, – с участием пробормотал рыжий. – Не дыши глубоко, эти сволочи, кажись, подломили твои ребрышки.

– Боюсь, копые того битюга задело ему легкое, – задумчиво сказал Онтеро, бархатной тряпочкой вытирая свою лысину.

– Копье?.. – прошептал Дастин и подивился собственному голосу. Ему показалось, будто это сказал жуткий зомби из ужасных сказок.

– Эк тебя. Ну и голосок у тебя, певец! Мда... – Онтеро тупо уставился на тряпочку, словно ожидая там увидеть грязь, стертую с его лысины. – Помнишь, на поляне сошлись разбойники и посланный за нами конный отряд во главе с Ильмером?

– Ильмер...

– Во-во, Ильмер, герцог Хорнкара. Мы побежали, двое – за нами. Один, здоровый такой детина, ткнул копыем тебе в спину. Слышу – ты кричишь. Обернулся, вижу: дело плохо. Этот бугай уж вознамерился перекинуть тебя через луку седла, а второй уж вскинул свое копые, на меня нацелившись. Ну я сгоряча и колданул немного... И вот что странно: эти двое вмиг обратились в гадюк, их тотчас потоптали собственные кони. Ума не приложу – откуда у меня столько силы взялось? Ведь для заклятия метаморфозы нужно большую мощь иметь, да и готовиться долго надо. И к тому же, слов этого заклятия я не знал раньше. Чудно! – Онтеро снова принялся протирать свою лысину, наморщив морщинистый лоб.

– А я шел мимоходом, гляжу: на поляне насмерть бьются стрелки Лесли и вооруженные тяжелыми мечами ратники в латах. Ну, думаю, наконец-то королевская гвардия сподобилась на поимку этого мерзавца. Чтоб ему, супостату, гнить всю жизнь в темницах с крысами...

– Э, ты про крыс того... Помолчи, короче, – нахмурился колдун.

– Да ну их... Ну вот, – продолжал тараторить тощий Тич. – И тут вижу – вы улепетываете к лесу, а за вами – двое на конях. А потом... Ой, что было, что было! – Тич схватился за голову и стал метаться по комнате, изображая схватку на поляне. – Эти, с мечами, на конях бьются, а Леслиевы лучники в лес побегали, зато тьма-тьмущая ихних меченосцев и топорников выползла. Почитай вся шайка. Рубились славно. Меч – бац! Секира... Фиу! Стрела полетела... а ему хоть бы хны... латы на совесть сработаны... тот, на вороном, упал... шея разрублена... топор застрял... – дальше Тич углубился в детальное описание боя, такое, какое понимают лишь одни мальчишки.

– Короче говоря, – перебил его Онтеро, – полегли почти все. Как эти в гадюк превратились, я поволок тебя, бесчувственного, к лесу. Тут слышу: кто-то зовет тихо. Гляжу: вот этот самый рыжий охламон рукой машет, мол, сюда давай. Укрылись мы в кустах и все видели. С десятков разбойников все же удрало, а вот королевские воины полегли, похоже, все. Небось уже мародерствуют выжившие стрелки-то...

– А Ильмер? – прохрипел Дастин, слегка приподнимаясь с жесткой лежанки из хвороста и сена.

– А ну его... Вроде ранен он был... Так вот, – Онтеро так увлекся рассказом, что оставил бархатный лоскуток лежать на лысине. – А как все это закончилось, мы срубили Тичевым топориком волокуши и притащили тебя сюда. Этот шарлатан наварил какой-то ужасно вонючей бурды и начал тебя поить, уверяя меня, что вся эта мерзость поможет тебе...

– Ах, вонючая, да? Да если б не я!.. – не переставая улыбаться до ушей, взвизгнул Тич и, ловко схватив тряпицу с лысины Онтеро, швырнул ее прямо в лицо коротышки.

– Ах ты, противный шалопай. Быть тебе свиньей, – рассерженный Онтеро попытался было ухватить мальчишку за огненный вихор, но не тут-то было: Тич моментально оказался в другом конце хижины, показывая нос колдуну.

– Ильмер... – снова прохрипел Дастин, словно судьба высокородного герцога была ему крайне безразлична.

– Вот заладил. Ильмер, Ильмер... Да сдался он тебе? – угрюмо осклабился коротышка. – Ну так и быть... Хочешь, Тич сходит на поляну и проверит, как он там?

– Идти? На ту поляну? Где мертвые?! – глаза рыжего едва не вылезли из орбит. – Да ни за что на свете! Иди туда сам, Онтеро.

– Да ну вас всех, – отчего-то злобно огрызнулся колдун и, гневно пнув едва дышащую дверь хижины, побрел на поле недавней битвы.

Дастин закрыл глаза и расслабился. Что происходит, в конце концов? Сплошные убийства, загадки, погоня, а теперь вот он печется о герцоге, который чуть было не прирезал его... Ранен – ну и пусть послужит кормом воронам. Так нет же – стукнуло в голову. Отчего такое странное желание, чтобы Ильмер остался жить?

– Эй, менестрель, а правда, что ты пел у самого Короля? – сказал Тич, усаживаясь на край лежанки.

– Да... Я был... придворным... – еле ворочая языком, прохрипел юный бард.

– Ух ты! А я вот всю жизнь прожил в деревеньке возле Ульсора, покуда не заявился этот Лесли и не поджег селение. Сгорел дом... И отец с матерью... Я тогда в лес ходил, за хворостом. Возвращаюсь – деревня в огне, эти бородатые скоты насилуют деревенских девок... Мужиков всех перерезали, скот увели, награбили много... Я тогда сюда подался, а оказалось, Лесли тоже тут, в лесу, обитает. Так мы и жили по соседству. Хотел я было ему логово подпалить, да духу не хватило... А какой он, Дворец Короля? Красивый? – внезапно спросил Тич.

– Очень... И сад...

– Ух ты! Как я мечтал хоть на миг очутиться в Джемпире... Отец как-то ездил на ярмарку в столицу, рассказывал, будто там много каменных домов, люди богато разодетые гуляют... А посреди города стоит Дворец.

– Да, точно...

– Эгей, Тич, а ну помоги! – донесся с улицы голос Онтеро. Рыжий вскочил и побежал к двери. Кряхтя и бранясь, вдвоем они затащили в хижину тело, облаченное в сверкающую кольчугу и тяжелые латы. Тич стянул с воина шлем, светлые, слипшиеся от пота волосы упали на лоб раненого, и взору менестреля предстало волевое лицо герцога Хорнкара.

Ильмер застонал и открыл глаза. Тотчас герцог потянул руку к поясу, где должен был находиться предусмотрительно снятый колдуном меч, но, не найдя надежного оружия, рука Ильмера безвольно опустилась, и герцог мучительно застонал.

Тич в это время развел нелепый очаг посреди хижины и поставил на огонь небольшой закопченный котелок, всыпав в него какие-то подозрительные ингредиенты. Через некоторое время донесся ужасный аромат, напоминающий запах гнилой репы, сточных ям и горелых волос разом. Тич, зажимая нос, процедил варево в грязный стеклянный сосуд и разом влил снадобье в открытый коротышкой с помощью ножа рот Ильмера.

Герцог закашлялся. Его тело содрогнулось в конвульсиях. Ильмера стошнило прямо на пол. И вскоре герцог тихо посапывал, забывшись в глубоком сне.

– Тич, сынок, там, на поляне, осталось несколько живых лошадей. Давай-ка сообрази, где достать тележку. Я же приведу коня. Мы завтра отправляемся в путь. Ты и герцог останетесь тут. Ильмеру нужно поправляться. А за Дастином я уж сам прослежу...

– Ну уж нет! – вскипел рыжий, грозно уперев кулаки в худые бока. – Я пойду с вами, и весь сказ. И этого, – он кивнул в сторону спящего на полу герцога, – с собой прихватим.

У него ж на морде написано, что он высокородный господин. Ежели повстречается какая стража на пути – с таким вас всяк пропустит.

– А он соображает, этот чертенок, – улыбнулся Онтеро. – Лады. Ищи тележку, а я – за конями.

– А чего ее искать? Я уж давно себе спер у Лесли, чтоб веток навозить для хижины. Вон, в кустах спрятана.

– Хо! Дастин, ты только погляди, каков попался! Возьмем его с собой, менестрель? Что скажешь?

– Тич... Славный малый... – медленно проговорил Дастин, чувствуя, что смертельно устал. – Поедем вчетвером... Завтра...

– Йо-го! – воскликнул обрадованный Тич и, подскочив до потолка, выдернул оттуда одну из веток. – И куда ж мы двинем?

– На юг, мальчик мой, в Теренсию!

Глава 4

Направляясь к Джемпиру, Йонаш и Йолан потратили не так уж и много времени. Удача сопутствовала им, небольшие капризы погоды и нападение неумелой шайки оголодавших крестьян вряд ли стоило считать серьезными помехами на пути. Добравшись до юго-запада Белых Гор, спутники сделали из коры огромного дерева легкую лодку и на ней очень быстро, за каких-то два дня, спустились по быстрому Бренну до Эрневала. Пристав к берегу незадолго до города, они вылезли из лодки и собрались пробираться в город, дабы поскорее отправиться юго-западной дорогой в столицу Леогонии. Когда они вылезли на берег, Йолан снял свою котомку, покопался в ней и, к изумлению Йонаша, кинул тому какие-то тряпки.

– Что это? – спросил Йонаш.

– Переодевайся, – последовал ответ, – в этом тряпье мы сойдем за дворян. Тогда сможем приобрести коней и быстро добраться до Джемпира. А то, сам понимаешь, два монаха верхом – странное зрелище. А двигаться надо быстро.

– Но это... Впрочем...

– Вот именно, не болтай ерунды! Или ты хочешь в Джемпир пешком топтать?

Йонаш кивнул головой и начал надевать предложенное ему платье. Чем дальше, тем больше удивлялся он своему спутнику. Несмотря на весь свой предыдущий опыт, на достигнутое им положение и звание мастера в Черном Ордене, на долгое служение злу, он поразительно легко сменил точку зрения и вдруг согласился даже помогать Ордену в делах, которым не так давно был готов противодействовать всеми силами. Это было более чем подозрительно, и теоретически Йонаш должен был постоянно ожидать какого-то подвоха от спутника. Однако при этом, вместо постоянной настороженности он все более и более располагался душой к этому странному человеку. Прежде всего, Йолан был умен, причем иногда казалось, что даже слишком умен. Несмотря на свое слегка пренебрежительное отношение к высшим материям, он не только легко слышал и замечал малейшее изменение интонации собеседника, но и тут же делал совершенно точные выводы о его причинах. Йонаш редко встречал столь пронизательных людей, как его спутник. Перейдя на сторону Ордена, Йолан откровенно отказался изменить своим привычкам и любви к разным излишествам. Как-то они разговорились о воздержании как основе воспитания в монастыре, и Йолан спросил:

– Хорошо, но ответь мне на несколько вопросов. Во-первых, мир создал Бог?

– Разумеется.

– Отлично, женщину создал Бог?

– Да.

– Прекрасно, человека тоже создал Бог?

– Само собой.

– Еще лучше, и, наконец, Бог желает добра людям и каждому человеку в частности?

– Ты что, сомневаешься?

– Нет, не сомневаюсь. Но если Бог создал хорошее вино, хорошую еду и дал мне рот, чтобы все это поглощать, если Бог создал женщину и дал мне все, чтобы Он ее создал не зря, если Бог все это сделал, желая мне, как и любому человеку, добра, то не будет ли тот, кто всем этим пренебрегает, подобен свинье, перед которой мечут бисер? И не кто-то там, а Сам!

– Все это сложнее, чем ты говоришь...

– А я человек простой, так что прости...

Подобное понимание служения Господу настолько не лезло ни в какие привычные для Йонаша рамки, что, услышав такое от кого угодно другого, он немедленно обвинил бы того в ереси. Но в устах Йолана это звучало так естественно, что вызывало даже некоторое уважение к его честности. В вопросах практических он тоже был вне конкуренции. Чего стоил один этот

фокус с переодеванием. Собственно, в этом действительно не было ничего особенного, просто очень хорошая идея, но ведь додумался до нее не Йонаш... Они быстро переоделись, спрятали свои плащи в котомки. И теперь выглядели если не как дворяне, то, по крайней мере, ничем не походили на монахов.

– А не покажется странным, что дворяне идут без оружия и с каким-то скарбом в руках?

– Сейчас мы будем изображать бургеров, а в городе купим и лошадей, и шпаги. Я знаю, где это можно сделать.

И два удивительно подтянутых и здоровых бургера пошли в сторону Эрневала. Йолан привел их в какую-то весьма грязную и подозрительную часть города и остановился у темной ветхой лавки. Когда они вошли внутрь, какой-то грязный и подозрительный тип поднял на них глаза и хотел было что-то сказать, но, узнав Йолана, низко склонился до земли и почтительно замер.

– Нам нужна пара лошадей, шпоры и шпаги, ну и прочее, чтобы сойти за дворян, – бросил Йолан. – И это должно быть у нас к утру. Понял? А пока мы отдохнем у тебя. Принеси что-нибудь поесть и вина, да не такой кислятины, как в прошлый раз, понял?

– Понял, господин, сейчас же.

Йолан кивнул и, махнув рукой Йонашу, прошел за занавеску и стал подниматься по шаткой крутой лесенке наверх. Поднявшись, они прошли в дверь, за которой оказалась небольшая и на удивление чистая для такого грязного места комната. Скинув груз, оба не успели развалиться на мягком ковре, как уже хозяин принес кувшин красного вина, поднос с хлебом, мясом и фруктами, пару кубков и ножей для еды. Когда он ушел, Йолан с облегчением вздохнул и сказал:

– Ну, а теперь можно и поесть и вздремнуть. Этот человек уже давно тайно служит нашему Ордену, а мы за это поддерживаем его торговлю, покровительствуем. Человек паршивый, но шкуркой своей дорожит, так что ему можно доверять.

– И это у вас в каждом городе такие люди есть? – удивился Йонаш.

– И не только такие, – усмехнулся Йолан, – ты даже не представляешь, какой силой мы обладаем... Это вы все с проповедями ходите, а у нас четкая организация, мы везде можем найти не просто крышу, а мощнейшую поддержку, хоть при королевском дворе.

– Даже там? – Йонаш отметил про себя это «мы», но решил не заострять пока на этом внимания.

– Особенно там, забыл, что ли?

– Ах, да, принцесса... Но я думал, она исключение.

– Ага, как же! Ее ведь тоже кто-то уговорил в первый раз. И не только в обычном смысле. А теперь подумай, кто мог добраться до принцессы? То-то. Ну, давай-ка, пока мясо не остыло...

* * *

До Джемпира они добрались быстро и без особых приключений. На этот раз Йолан привел их в достаточно чистый дом, стоящий в не самой нищей части города. Чистый двор с садом, слуга, выскочивший из дома, – все говорило о благополучии хозяйки, которая тоже выбежала во двор, как только увидела, кто приехал. Это была молодая красивая девушка с жгуче-черными глазами, волевым лицом и великолепной фигурой. Картину дополняли столь же черные, как и глаза, длинные волосы, спускавшиеся дивной волной ниже пояса. Длинные тонкие пальцы легли на плечо Йолану, а глаза впелись в лицо.

– Здравствуй, Джанет! – сказал Йолан. – Я ненадолго, это – серый брат, он будет молчать, я ему запретил говорить, кроме как со мной. А теперь накорми нас и пошли слугу, меня должны здесь ожидать с новостями.

Красотка повелительно махнула рукой слуге, тот поклонился и ответил:

– Я понял, госпожа.

А затем повел лошадей в конюшню. Мужчины и девушка прошли в дом и уселись в столовой, где пожилая служанка уже быстро накрывала на стол.

– Но хоть на ночь ты останешься? – спросила она.

– Не волнуйся, останусь, сможешь всласть повзывать к духам сегодня, – рассмеялся Йолан. – Тут я тебе с удовольствием помогу.

– Не смейся, ты же знаешь, это серьезно. Может ведь и Хозяин обидеться.

– Да пошел он! – огрызнулся Йолан, уже занятый хорошим куском мяса.

Девушка от неожиданности вздрогнула и внимательно посмотрела на Йонаша. Но тот сделал вид, что за едой ничего не видел и не заметил.

Вскоре в дверях появилась фигура в сером плаще. Человек вошел в гостиную и поклонился Йолану, ожидая приказа.

– Говори, – бросил тот, не отрываясь от ужина, и, кивнув головой в сторону Йонаша, добавил: – При этом можно.

– Жрицу вывели из замка в точности по плану. Все убеждены, что она мертва, и никто нам больше не помешает...

– Мне не нравится, как ты это сказал. Что с менестрелем?

– С ним не все так гладко, мастер. Он действительно пришел в спальню принцессы, и все считают его убийцей.

– Прекрасно, так за чем же дело стало?

– Но его не убили сразу, а бросили в подземелье замка.

– Ну?

– И он оттуда бежал.

– Да, и как же?

– Там сидел один колдун...

– Отлично, так чего ж этот колдун подкачал?

– Этот колдун не из наших. Похоже, что он вообще из этих, полусветлых. И похоже, что именно он помог менестрелю бежать. Во всяком случае, в камере и вокруг остались значительные следы магии. Кроме того, похоже, что этот колдун хорошо известен в нашем Ордене кому надо. Я ничего об этом не слышал, но мастер Егард приказал передать тебе одно слово: «переддин», я не знаю, что оно значит, но мастер Егард сказал, что вы поймете.

– Переддин? Хм, вот оно как... – скривился Йолан. – Ладно, нормальные герои не ищут простых путей, это все? Что произошло дальше?

– Они бежали по южной дороге, мастер. Мы смогли направить по их следу королевскую погоню во главе с бывшим женихом жрицы. Кроме того, мастер Егард должен направить на них местную банду недалеко от Ульсора. Думаю, они не смогут далеко уйти.

– Ладно, но дело надо довести до конца. Где Егард?

– Мастер Егард отправился на юг, в Ульсор, чтобы натравить на них ту банду. Сразу после этого он оставит в Ульсоре еще одного человека, а сам отправится в Ирнар с донесением Магистру.

– Великому Магистру Вейергу?

– Именно ему, мастер.

– Ладно, свободен. Утром на рассвете будь здесь с конем в одежде слуги. Плащ упрячь в мешки. Иди.

Серый поклонился и ушел, а Йолан с еще большим усердием принялся за еду, бросив Йонашу:

– Завтра на рассвете отправляемся за ними, понял?

Йонаш, помня о приказе молчания, кивнул головой и увидел внимательные глаза Джанет, тщательно рассматривающие его.

* * *

После еды Йолан знаком позвал Йонаша во двор для беседы и сразу приступил к делу:

– Вот что, брат Йо, – так он шутливо стал называть Йонаша вскоре после знакомства. – Егард – мужик серьезный, если за что-то берется, то обычно делает. Так что как бы нам не найти кости этого менестреля. Завтра придется поспешить. Тот серый, что приходил, поедет с нами, так ты не забывай, что тебе говорить не следует, понял?

– Понял, хотя и не могу сказать, что я от этого в восторге.

– Это твои проблемы, зато чушь какую не ляпнешь. Кроме того, мы своих по куче тайных слов узнаем, а ты их не знаешь. А так причина есть – говорить нельзя. Так что уж не обессудь...

– Хорошо, но не стоит ли поторопиться и выехать вечером?

– Ты можешь не спать? Я – нет. А спать на скаку – больше времени на привалы уьем. Нет уж, сегодня отдохнем, заодно и лошади тоже, а завтра с рассветом в путь. И вот еще, если в Ульсоре на Егарда наткнемся, постарайся в сторонке быть. Он ведь тебя и узнать может.

– Хорошо, Йолан, но ты помнишь, что мы должны спасти менестреля?

– Доберемся – спасем, а пока молись Изначальному, думаю, от меня он просьбы не примет, – усмехнулся тот и крикнул: – Эй, слуга! Отведи странника в его спальню.

Тут же появился слуга, и все пошли в дом. Поднявшись по лестнице на второй этаж, где размещались спальни, Йонаш ожидал, что его разместят в третьей спальне от хозяйской, поскольку его спутник был выше рангом в этом месте, однако его привели к соседней спальне с хозяйкой. Впрочем, удивление скоро прошло, Йолану не нужна была отдельная спальня, поскольку ему не нужна была отдельная кровать. Улегшись спать, Йонаш попытался сосредоточиться на молитве перед сном, но от этого занятия его отвлекли голоса, раздающиеся из-за стены. Кое-что терялось, но большинство слов было слышно настолько хорошо, что Йонаш стал невольным свидетелем этого диалога. Сначала женский голос ласково произнес:

– Йо-о!

– Что, Джанет?

– Ты не боишься, что твой молчалик донесет на тебя? Ты сегодня такое за ужином говорил...

– Ай, глупости! Сколько раз тебе говорить, я знаю, что делаю. А твое дело – помалкивать.

– Я знаю, почему ты его не боишься.

– Да ну!

– Это тот самый монах, которого ты должен был убить. Ты перешел к белым?

– Отстань, Джанет.

– Не притворяйся, ты забыл, кто был связным между Жрицей и твоими паршивыми посыльными? Я же знаю его описание слово в слово! Это он. Ты предал Орден.

– Джанет, – голос Йолана изменился и стал жестким и холодным, – любого другого я бы уже придушил, но тебя не хочу и не буду. Да, это так, ну и что? Ты будешь молчать.

– Да, я буду молчать, но за это...

– Ты испытываешь мое терпение. Ты просто будешь молчать, а не то...

– Что «а не то»?

– Я не хочу тебя убивать, но управу найду. Например, позову сейчас этого монаха, и он обвенчает нас прямо в постели. Нужно объяснять, что это для тебя значит?

– Ты готов на мне жениться????!! Йо-о, но тогда ты точно согласишься на мою цену.

– Ну?

– Я прочту заклинание, приворотное, чтоб ты никогда не бросил меня. И тогда я буду молчать.

– Всего-то, – рассмеялся Йолан, и голос его снова стал веселым и ласковым. – Ну, это я бы тебе и так разрешил, ваяй, читай, а я пока займусь делом...

– А ведь твой монах за стенкой небось все слышит...

– Ничего, пусть завидует. Может, поумнеет...

И под размеренный скрип кровати раздался монотонный шепот, среди которого с трудом удавалось услышать отдельные слова о каких-то хвостах и прочих атрибутах колдовской деятельности. Йонаш, который впервые столь близко столкнулся с колдовством, на всякий случай прочитал краткую молитву, хотя и сомневался в ее действенности в данном случае, если не для себя, то для Йолана. Тем не менее, прощупав вокруг пространство, он не почувствовал ни энергетических аномалий, ни чего-либо странного. «Энергетический кокон, – сообразил он. – Эти двое сейчас объединены в одну энергетическую оболочку, и все, что происходит между ними, остается в ее пределах. А значит, заклинание, скорее всего, подействует. Как он неосторожен!» Шепот тем временем стих, а еще минут через двадцать снова раздался голоса. И опять начал женский:

– Йо-о!

– Ну?

– А почему ты так быстро согласился?

– Это долго рассказывать, Джанет.

– Все равно расскажи.

– Понимаешь, эти илиниты мне очень многое рассказали.

– И ты им поверил?

– Я похож на доверчивого дурака? Нет, Джанет, они сказали правду. Не будь я мастер, если бы не смог распознать правду от лжи в тайном знании.

– И из-за этого ты и перешел к ним?

– Нет, девочка, просто магистр и компания меня здорово подставили. А я этого не люблю. Так что у меня теперь с ними свои счета. В общем, еще посмотрим, кто магистром будет...

– Как же ты им станешь, если к белым ушел?

– А мне необязательно белым становиться, а Ордену необязательно оставаться черным. Будет Орден такой, серый... В самый раз по мне.

– Ну, мне нравится ход твоих мыслей, – женский голос стал вкрадчивым и игривым, и тут же в нем прозвучала тревога. – Но береги себя, ты мне нужен.

– Я и сам себе нужен, знаешь ли. Так что не волнуйся.

– Так чем же эти илиниты повлияли на твое согласие быть со мной?

– Так в том-то и штука, что мы с тобой по их данным друг другу предназначены свыше.

От Света, между прочим.

– Ты всерьез?

– Вполне. Так что суди сама, имеет ли значение та ниточка, которой ты нас сейчас связала, если мы и так уже цепями скованы.

– Тебе ж вроде раньше плевать было на все предначертания...

– Только на те, которые мне не нравятся. А это мне очень даже нравится, так что давай-ка...

Опять заскрипела кровать, и продолжения разговора Йонаш уже не услышал, крепко заснув до утра.

* * *

Маленькая тележка медленно тащилась по лесной тропке, подпрыгивая на ухабах и громяхая подобно грому. Маленький лысый человек отчаянно ругался, понукая пегого жеребца, запряженного в утлую повозку. Конь отнюдь не соответствовал экипажу. Еще больше разнились спутники.

Впереди, размахивая длинной палкой, шел рыжеволосый мальчуган, улыбка до ушей не сходила с его лисоподобного лица, усыпанного веснушками. Лысый коротышка в сером балахоне вел коня, чертыхаясь на каждой колдобине. На повозке лежали двое: один – щуплый юноша в потертой куртке и штанах, второй – огромный светловолосый богатырь в богато украшенных доспехах рыцаря. Судя по стонам лежащих, оба они были ранены и отнюдь не были рады попадающим на их пути кочкам.

– Онторо, скоро за опушкой будет небольшое селение, – провозгласил рыжий и ловко подрубил своим «мечом» куст чертополоха. – Там есть таверна старого Экси, может, заскочим? Там славно готовят, сам Лесли там иногда кормил свое отродье... Возьмем денег в кошельке у этого, – паренек кивнул в сторону скрежещущего зубами рыцаря. – Ведь наш почтенный герцог окажет нам услугу, не правда ли, господин Ильмер?

– Заткнись, щенок! – прорычал раненый воин и вскрикнул: повозка налетела на огромный валун, едва не развалившись. Второй раненый застонал.

– Тич, закрой пасть, – осклабился Онторо и высказал тираду по поводу идиотов, разбрасывающих камни на дорогах. – Никаких таверн и селений. Доберемся до Ульсора, никуда не заходя. Чем меньше нас видят, тем лучше... Тьфу! Сволочная скотина! Чтоб твоей селезенкой пообедали триста тысяч голодных волков!

Конь, словно почуяв неладное, остановился и зафыркал.

Тотчас из-за поворота показалась группа всадников. По нестерпимому блеску доспехов и смотрящим в небо длинным пикам спутники догадались, что навстречу им движется отряд королевских гвардейцев. Ничего хорошего в этой встрече не предвещалось.

Онторо крепко выругался сквозь плотно сжатые зубы и, пятясь, подобрался вплотную к приподнимающемуся на локтях Ильмеру.

– Дектен Аэ Энес! – тихо произнес он и положил шершавую ладонь на лоб хорнкарца. Глаза герцога закрылись, он тяжело повалился на повозку и забылся крепким сном. Лысый чародей провел рукой по лбу. Силы Онторо были на исходе.

Тем временем всадники приблизились и угрожающе направили копьё в сторону повозки. Онторо предусмотрительно закрыл спящего Ильмера рогожей.

– Кто такие, куда направляетесь и что везете? – грубо спросил один из воинов, по всей видимости, предводитель отряда.

– Доброго дня, почтеннейшие! – заискивающе улыбаясь, произнес Онторо, медленно подходя к отряду и мягко отстраняя копьё. И тени не осталось на лице старого мошенника, словно кто-то совершенно другое мгновение назад был мрачен и страшно ругался. – Мы бедные паломники, сами-то из Тармира, а были мы в Гирлине, в знаменитых Храмах Стейла. Да вот восвояси возвращаемся. Насмотрелись мы много, людей повидали, диковин всяких. Взять хотя бы... Э...

– Ты мне зубы не заговаривай, деревенщина! – рявкнул командир отряда. – Знаешь нынешние законы? Бродяжничать в Леогонии строго запрещено. Есть разрешение на паломничество – проваливай, нет – разберутся в Джемпире.

– Как же, как же. Слыхивали... – хитро улыбнулся Онетро, доставая из бокового кармана сложенный вдвое лист бумаги. – Вот, прими бумагу. Мож поймешь чего – мы тут неграмотные, нам дали документ, а мы и рады.

Чародей подскочил к коню предводителя отряда и протянул ему бумагу. Тот недоверчиво покосился на Онторо и нехотя развернул лист. Некоторое время он с презрительной ухмылкой рассматривал протянутый колдуном пергамент. А затем его глаза округлились, рот открылся

от безмерного удивления. Воин быстро отдал бумагу улыбающемуся Онтеро, кивнул головой, только после чего закрыл рот.

– Прошу прощения, виноват. Э... Риктиц, чего уставился? Отводи отряд в сторону, пусть господу едут куда хотели... Еще раз извините, сударь.

– Да буде, я ж понимаю, – еще больше разулыбался Онтеро. – Служба – она есть служба. Тут уж ничего не поделаешь. Ну ладно, нам пора. Счастливо, служивый!

Конники свернули в сторону, подняв пики. Повозка прогромыхла мимо них и исчезла за поворотом. Когда спутники миновали небольшой пролесок, Дастин и Тич накинулись с вопросами на загадочно ухмыляющегося колдуна.

– Хорошо. Так и быть, отвечу. Дастин, прочти эту бумагу.

Онтеро вложил в руки юноше пергамент, и Дастин начал читать:

«Сей документ предоставляет право на въезд и выезд из Леогонии господину, владеющему данной бумагой, в любое время и с любым количеством провожатых, которое он смеет пожелать. Советник Его величества Короля Леогонии Акраты III Грен Биллеркс».

Внизу стояла замысловатая гербовая печать королевства: алый лев с мечом в одной руке и с кубком в другой, восседающий на золотом троне.

– Откуда у тебя ЭТО, Онтеро? – удивленно спросил Тич.

– Эх, не хотел я вам говорить, ну да ладно. Это ведь еще когда мы в хижине у Тича были, я решил, что герцог наш разлюбезный не за просто так с нами путешествовать будет. Ну вот и позаимствовал у него сию бумагу. Наше счастье, что там не стояло его имени... А теперь, когда я проверил свою идею, мы можем спокойно ехать по обычным дорогам. Лишь бы Ильмер до Ульсора не проснулся... Эгей, Тич, где, ты говорил, там забегаловка?

* * *

Таверна старого Экси была, по всей видимости, единственным заведением подобного рода на всю округу. Здесь собирались самые отъявленные негодяи: бродяги, лесные бандиты, беглые каторжники, шлюхи, просто мошенники. И все, же, тем не менее, судя по аппетитным запахам, разносившимся далеко от заведения, ужин здесь готовили неплохо. Оставалось лишь тешить себя надеждой, что тебя не ограбят или не ввяжут в обычные для сего местечка драки.

Тич принялся и замурлыкал. Аромат готовящегося жаркого будоражил сознание изголодавшихся спутников, заставляя на время забыть про груз проблем, навалившихся на них. Дастин причмокнул языком, Онтеро облизнулся. Вкусно пахнувшая пицца предательски манила, все помыслы об осторожности были напрочь забыты.

Однако повозка въехала в селение без особых приключений. Казалось, никому совершенно нет дела до странных путешественников, лишь только убогий нищий протянул грязную сморщенную руку, прося подавания, когда друзья остановили коня у порога таверны. Даже не привязав коня и напрочь забыв о спящем под рогожей Ильмере, Тич и Онтеро подхватили еще пока слабого Дастина под руки и стремглав направились к дверям заведения Экси.

Запахи не обманули странников: тут и там в задымленном зале, едва освещаемом подвешенными к самому потолку факелами, сидели разномастные пройдохи, жулики, воры и прочие подозрительные типы и всюду уплетали сочащееся жиром жаркое и запивали его пенным элем.

У всех троих при виде этого зрелища заурчало в животе.

– Онтеро, у нас же нет денег, прошептал Тич, с опаской оглядывая огромные дубовые столы, заваленные яствами.

– Да знаю, – сглотнул Онтеро, потирая лысину. – Делать нечего. У Ильмера денег нет, я проверил. Можно было бы продать коня, но тут нас как пить дать облапошат, да еще и пока-

лечить ненароком могут, мол, чужаки, и весь сказ. Дастин, вот что. Я покажу пару фокусов, а ты спой чего-нибудь. Глядишь, и заработаем на кусок хлеба.

– Я попробую, Онтеро, – проговорил юный бард, с сомнением уставившись на огромного бородатого толстяка, с остервенением обгладывающего жирную баранью кость.

Колдун подошел к тощему высокому человеку с жиденькой бородачкой и бельмом на глазу, переговорил с ним на ухо о чем-то и вернулся к друзьям.

– Все в порядке. Этот тип, Экси, довольно сносный малый, обещал накормить, если здешней публике придется по вкусу наше представление. Тич, пойдешь, проследи пока за конем и спящим герцогом. А как уладим все, позовем.

– Вот еще, – фыркнул рыжеволосый мальчуган. – Я хочу поглядеть на твои фокусы, да и песни послушать. А мож я б и станцевал...

– Кому сказано, марш к повозке! – рассерженно рявкнул Онтеро.

– Да ну, и пожалуйста, – обиженно дую губы, провозгласил Тич и, показав язык чародею, скрылся за дверьми таверны.

– Почтеннейшие господа! – раздался неприятный визгливый голос старого Экси. – Позвольте вам представить бродячих артистов, пришедших к нам из Джемпира. Этот, – Экси протянул костлявую руку в сторону поклонившегося Онтеро, – покажет нам кое-какие забавные фокусы, а юнец споеет песни. Давай, начинайте.

Онтеро еще раз поклонился и вышел на середину зала. Кто-то разжег факелы поярче, а Дастину даже предложили табуретку и непонятно откуда появившуюся лютню. Менестрель подстроил инструмент и взял аккорд. Дастину приходилось играть всякие песни, а будучи в труппе бродячих музыкантов, он разучил множество веселых народных песен, которые любили послушать в придорожных тавернах и на улицах. Одним словом, с подобной публикой юный бард был знаком и отнюдь не растерялся.

Другое дело – Онтеро. Он вдруг почему-то покраснелся, словно первый раз решил показаться на публике. Пытаясь что-то сказать, он вертел руками. Однако даже отдаленно похожего на фокусы ничего не выходило. Дастин понял, что дело плохо, и стал играть громче, выбирая самые веселые и задорные песни. Некоторое время посетители таверны молча наблюдали разыгрывающееся действие, после чего кое-где стали подпевать, и вскоре пел уже весь зал. Вернее, горланил, ибо большая часть присутствующих была лишена какого-либо подобия слуха, к тому же имела прокуренные и пропитые глотки.

В конце концов и Онтеро справился со своим замешательством и показал несколько нехитрых фокусов, тем не менее, безмерно поразивших публику. Весь зал дружно заулюлюкал, когда из-под стола, куда плюнул Онтеро, на пестром петухе выехал карлик и, сделав несколько шагов, растаял в воздухе. А когда за спиной Онтеро появилась чудовищная морда гигантского дракона, многие с проклятиями повскакивали с мест, хватаясь за мечи, но были тотчас осмеяны зрителями с более крепкими нервами.

Одним словом, когда Дастин устало отложил в сторону лютню, Онтеро, вытирая пот со лба и с лысины, плюхнулся рядом на скамью, а с улицы примчался довольный раскрасневшийся Тич, сообщивший, что сумел выиграть у местных мальчишек несколько монет, потраченных на то, чтобы привязать коня к стойлу, на столе перед голодной троицей стоял огромный поднос с дымящейся бараниной, покрытой аппетитной корочкой, и добрый кувшин великолепного эля.

Не думая о правилах приличия, все трое накинулись на еду, словно никогда раньше в жизни не ели ничего подобного. Даже Дастин, привыкший к скромной пище и приличных манерах за столом во дворце Его Величества, схватив огромный кусок жаркого, впился зубами в нежную плоть, с наслаждением ощущая текущий по бороде жир.

Когда спутники основательно насытились и, вяло откинувшись на скамье, стали неспешно потягивать эль, Дастин внезапно почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд.

Обернувшись, он с ужасом увидел в дверях изящный силуэт, увенчанный водопадом золотых волос. Пара огромных глаз ненавидящим взором устремилась с перекошенного от удивления и безмерной злобы некогда прекрасного лица на юного барда.

Дастин едва не поперхнулся. Ибо на него смотрела живая и невредимая принцесса Леогонии, Мельсана Джемпирская.

* * *

Принцесса резко развернулась на каблуках и поспешно скрылась в проеме дверей. Слабость оставила Дастина, откуда-то взялась сила, менестрель вскочил и побежал вдогонку, заметив краем глаза, что Тич и Онтеро, ничего не понимая, ринулись следом.

Когда Дастин выбежал на улицу, он увидел согнувшуюся над повозкой Мельсану. Ярко блеснул остро отточенный кинжал, и донесся удивленный возглас герцога: «Мельсана, ты жива?»

Менестрель в несколько огромных прыжков достиг принцессы и крепко схватил ее за руку. Мельсана резко толкнула барда, Дастин упал навзничь, вскрикнув от боли. С ненавистью в глазах принцесса воздела руку с кинжалом, и тут послышался грозный голос Онтеро:

– Остановись, женщина! Мелит па квенас!

– Ублюдки, – гневно прошипела наследница леогонского престола. – Говорила я этому старому придурку – убей колдуна. Не послушал... Сказал, отобьет охоту к колдовству. И вот результат. – Она опустила руку, яростно сверкая глазами. – Все равно вы сдохнете. Хозяин с магистром довершат начатое. А как все гладко шло. С остальными уже покончено: один наш, а другой пал. Лишь только этот влюбленный придурок, – она брезгливо кивнула в сторону ничего не понимающего Ильмера, привставшего на повозке, – не сделал предначертанного. Но ничего, Менестрель. Берегись же, ибо в игру вошли опасные силы. А ты, старая лысая вонючка, будешь долго корчиться в муках, кляня свою встречу с этим слюнявым подонком, распеваящим песенки...

– Ну, это мы еще посмотрим, – спокойно ответил Онтеро, подходя ближе.

– Мельсана, что происходит? – тревожно спросил Ильмер.

– А ты не видишь, герцог? – усмехнулся колдун. – Это милая крошка продала душу темным силам. Как говорят, ведьма твоя принцесса.

– Этот кретин прав, драгоценный мой. И благодари судьбу, иначе я бы проткнула тебе твое любящее сердечко. Прощайте, ребятки. Мы еще свидимся. И от всего сердца надеюсь, что увижу когда-нибудь ваши тела в неживом состоянии. – Принцесса ловко свистнула и ловко вскочила в седло непонятно откуда взявшейся белой лошади. Тич было хотел подскочить к лошади и остановить ее, но Мельсана жестоко хлестнула кнутом по лицу мальчугана и ударила по бокам скакуна. Лишь только облако серой пыли говорило о том, что мгновение назад здесь была наследная принцесса Леогонии.

Когда белая лошадь с одетой в черное всадницей скрылась вдаль, Дастин поднялся и молча подошел к повозке.

Посмотрев в глаза Ильмера, он тихо произнес:

– Теперь-то ты хоть понял? Я не убивал Мельсану.

– Прости, певец. Но, во имя Всевышнего, что происходит?

– Дастин нужен каким-то приспешникам темных сил. И я догадываюсь... Нет! Я уже твердо уверен, зачем, – мрачно произнес Онтеро, отвязывая коня.

– Ну и зачем же? – поинтересовался Тич, пинающий ногой какую-то корзинку с тряпьем.

– Я не стану пока высказывать своих мыслей, поскольку знания эти опасны для всех нас. Лишь одно могу сказать: убийство принцессы инсценировали, причем именно так, чтобы ты, Ильмер, после возненавидел Дастина и возможно, убил бы его. Но, хвала Небесам, все обо-

шлось. Хотя, я подозреваю, нас ждет немало трудных дней. Возможно, многие из нас погибнут. Тич! Сынок, оставайся здесь, не след тебе таскаться с нами. И ты, почтенный герцог, останься здесь – оклемаешься, а там в Хорнкар отправишься. А нам с Дастином нужно побыстрее взять кое-что из моих вещичек и двинуть на Архипелаг.

– Э, нет, Онтеро, – провозгласил Тич, распотрошивший тряпье, – я с вами. И не спорь. Сказано – иду, и весь сказ.

– Тут что-то не то, – произнес Ильмер, хмурия брови. – Дело нечисто, я тут замешан... Ко всему, я почти поправился – на тележке побуду пару дней, а потом встану. И вспомните – без меня вас сразу же поймают королевские стражники. Я отправляюсь с вами, может, чего выясню. Эх, Мельсана...

– Лады. Тогда двигаем в Ульсор. Оттуда – в Кельд. Там живет мой старый друг Бальнеро, может, чем поможет... Тележку и коня продадим, когда ты, Ильмер, полностью поправишься. К тому ж, мои травы тебе помогут... Дастин, а ты, я смотрю, более не нуждаешься в повозке?

– Я в порядке, Онтеро.

– Ну и славно. Тич, дружище, стоняй в таверну, попроси у хозяина чего-нибудь съестного в дорогу. Я думаю, он не откажет: мы ведь повеселили его публику нынче...

Рыжеволосый паренек умчался за припасами. Дастин задумчиво жевал соломинку, Ильмер откинулся на повозку и грустно смотрел в небо. Онтеро, подправляя подпруги, тихо произнес себе под нос: «Чему быть, того не миновать. Похоже, начинается серьезная заварушка. Эх, сюда б сейчас Корджера...»

Глава 5

Утром еще до рассвета оба уже сидели за столом и плотно завтракали. Вскоре к ним спустилась Джанет в мужском костюме и с плотно убранными волосами.

– Это еще что за новости? – нахмурился Йолан.

– Я еду с вами.

– Никуда ты не едешь, сиди здесь и жди.

– Поеду, куда бы ты ни направлялся.

– Хозяин ведь рассердится!

– Я отрекаюсь от Хозяина. Теперь ты мой Хозяин. И прекрати, я последую за тобой, что бы ни случилось. И ты этому не помешаешь.

– Ну, что скажешь? – повернулся Йолан к своему спутнику.

– Если уж она знает, пусть знает все, – ответил Йонаш.

– Ну, все – это многовато будет, – задумчиво возразил Йолан, – Но...

За пять минут он вчерне описал девушке ситуацию и попытался объяснить, насколько опасно будет ей следовать за ними, но та стояла на своем.

– Если магистр узнает о тебе, знаешь, что он сделает со мной?

Йолан задумался и кивнул головой:

– Да, ты права. Что скажешь? – повернулся он к Йонашу.

– Если она все равно поедет, прикажи ей это сам. По крайней мере, она выполнит твою волю.

– Хорошо, – рассмеялся Йолан, – езжай с нами и будь нам в помощь, а не в обузу, если сможешь.

– Слушаю, господин! – ответила Джанет, улыбаясь, обняв его руками и завершая фразу долгим поцелуем.

* * *

Примерно на полпути до Ульсора серый спутник указал на рощу невдалеке и сказал:

– Вот здесь была засада, мастер. Не хотите ли взглянуть?

– Хочу, – ответил Йолан, и все вместе направились на указанное место. Но едва они подъехали к месту, как из кустов вывалилось около десятка человек, и, размахивая разношерстным оружием, они попытались напасть на путников. Учитывая, что в отряде было, по крайней мере, два мастера тайной борьбы, попытка была предпринята с явно негодными средствами. Едва успев приблизиться к отряду, двое амбалов полетели обратно в кусты, ломая по дороге ветки и сучья. Один из нападавших попытался выбить из седла Джанет, и это оказалось его последней ошибкой, поскольку Йолану явно не понравилось такое обращение с его дамой, и нападавший с переломанной шеей свалился на обочине. Еще двое улетели в кусты, предварительно столкнувшись лбами, и остатки шайки спешно бежали, бросив своих товарищей на поле боя. Амбалы в кустах то ли уже не шевелились, то ли присоединились к своим товарищам, и на дороге стало совсем тихо. Из-за пазухи у трупа вывалилась золотая вещица, серый подобрал ее и стал с удивлением рассматривать.

– Дай сюда, – приказал Йолан, взял вещицу и, осмотрев, сунул в карман, – Может, сойдет где в оплату, – нарочито громко сказал он и спешил, – Ну, давайте взглянем, что же тут произошло.

Однако, несмотря на достаточное количество следов, ничего особенного обнаружить так и не удалось. И только Йонаш, рассматривая следы двух бежавших человек и скакавших за ними коней, все что-то внимательно рассматривал, как будто что-то искал и никак не мог

найти. Йолан подошел к тому же месту, присмотрелся к конским следам, хмыкнул и пошел дальше. Вскоре все четверо опять сидели на конях и мчались в сторону Ульсора.

* * *

– Странное имя, – задумчиво произнесла Марта, поигрывая связкой ключей. – И не похож ты на здешних. Где это – Меретарк?

– Неважно, хозяйюшка, – улыбнулся прищелец. – Это далеко отсюда, и давай не будем говорить об этом. Пойдем быстрее к Ваннаре.

Женщина повела гостя наверх и открыла одну из дверей. Полные муки стоны раздались из комнаты. Корджер поспешил войти и жестом отстранил сунувшуюся было Марту.

– Нет, хозяйюшка. Не стоит смотреть на роды. Я справлюсь... Да успокойся, – снова улыбнулся странный гость. – Ничего плохого я не сделаю Ваннаре. Поверь, я искренне желаю ей лишь добра.

– Ну смотри, чужеземец. Коли чего – зови, я здесь неподалеку буду, – ответила хозяйка и вышла в коридор.

Корджер аккуратно запер дверь и направился к широкой кровати, на которой в мучительной агонии металась юная девушка. Огромный плод вздымал ее живот, делая ее стройную фигуру непропорциональной и уродливой.

– Потерпи, девочка. Сейчас я помогу тебе, – нежно произнес Корджер, присаживаясь на край постели и доставая какие-то пузырьки и мешочки.

Насыпав чего-то в большой стакан, стоявший на столике, он развел порошок водой из кувшина и взял его в руки, но потом задумчиво взглянул на Ваннару:

– Нет, пожалуй, тут одним лекарством не помочь, – тихо сказал он сам себе, – тут необходима защита от тьмы и смерти, тогда и лекарство можно дать, а так...

Корджер поставил стакан обратно на столик и произнес нараспев несколько слов мелодичных слов. Он вглядывался в напряженное женское тело, но слова произвели, очевидно, совсем не то действие, которого он ждал. Ребенок забился в чреве, все тело девушки сотрясли судороги, а сквозь натянутую кожу живота проступили кровавые руны, до ужаса знакомые странствующему доктору.

– Нет... Не может быть!

Он потер кончиками пальцев виски. В его глазах застыли ужас и удивление. Потом он быстро схватил подготовленный стакан и влил раствор в открытый рот Ваннары. Девушка застонала, несколько раз вскрикнула и расслабилась без сознания. Корджер нагнулся к ней, аккуратно пощупал живот и замер, пораженный внезапной догадкой.

– Бедная крошка... – произнес он, снимая с девушки одежду. – Что же делать?

– Да, Корджерсин-нор-Меретарк, – раздался в голове прищельца странный спокойный голос. – Это действительно так.

– Ты здесь? Скажи, о Мудрейший! Как мне поступить?

– Зло нужно уничтожать в зачатии. Помоги ей – она совершенно ни при чем. А потом уничтожь выродка. Раз и навсегда покончи с тем, кто не дает тебе покоя.

– Хорошо, Мудрейший. Я сделаю все, как надо. Она останется жива. Но это мерзкое отродье я уничтожу.

– Удачи, Корджер. И помни – зло нашло себе приют в этом Мире, твоя судьба – вновь бороться с ним.

Корджер провел рукой по волосам девушки и произнес, с горечью глядя на руны, рдевшие поперек вздутого живота:

– Бедная девочка, как же тебя угораздило отдаться этому ублюдку... Прости меня, я не могу пустить его в этот мир. Но тебе я помогу. У тебя еще будут дети, настоящие дети,

из которых вырастут люди... А теперь, раз уж так вышло, постарайся избавиться от этого выродка внутри тебя единственным доступным тебе способом. А я постараюсь, чтобы роды не стоили тебе жизни...

Корджер тяжело вздохнул, протер мокрой тряпкой лоб девушки и, увидев, что та пришла в себя и открыла измученные глаза, принялся за работу.

* * *

...Ульсор – сравнительно небольшой городок на юге Леогонии, но, тем не менее, весьма известный во всем Западном Вильдаре своими жителями. А точнее – их увлечениями.

Каждый ульсорец уже с малых лет мнит себя непревзойденным игроком. Здесь правит людьми азарт. Сотни различных игорных домов, трактиров и дешевых забегаловок с вечера забиты людьми – ульсорцами и нередко приезжими – до раннего утра. Не смолкает музыка, не унимаются игорные страсти, не прекращаются постоянные и уже привычные для города драки и грабежи.

Играют все и во все. В карты, в кости, в плевки, в прятки, в перегонки, в лоскутки... Ставят на лошадей, собак, мышей, пауков... Состязаются в борьбе, пении, танцах, насмешках и даже в молчании... Выигрывают и проигрывают деньги, драгоценности, одежду, пищу, женщин и десять кругов голышом вокруг городской стены под улюлюканье победителей...

Редкий гость города уедет из Ульсора, не заразившись этой безумной страстью. И, как правило, уезжают пришельцы ни с чем, а то и вовсе без ничего. Ибо сравниться с жителями этого южного города в каких бы то ни было играх не может никто.

...Повозка влетела в городские ворота, прогромыхав по мощеной мостовой. И сразу же в глаза путникам бросились красочные вывески различных увеселительных заведений. «Играйте в кости у Мегля! Это принесет вам целое состояние!», «Ставьте на Малышку Перни – и золото у вас в кармане!», «Купите у нас паука, и он сколотит вам целое состояние!..» И так далее...

Дважды на пути к Ульсору их останавливал патруль, но один лишь гневный взгляд Ильмера заставлял стражников раскланиваться и просить извинений. Даже бумага, подписанная во дворце Короля Акрата, была без надобности.

Дастин, прихрамывая, брел подле повозки, думая о чем-то своем. Совсем недавно избавиться от врожденного недуга и опять хромать – для менестреля это было какой-то необъяснимой обидой, терзавшей его сердце. Но он шел, про себя скрипя зубами и стараясь не подавать виду.

Ильмер напустил на себя маску высокогородного аристократа и, развалившись на повозке, исподлобья посматривал по сторонам.

Тич, как обычно, пинал ногами попадавшие на пути кусты, камни, отбросы и шелудивых собак. Его несравненная улыбка, когда они достигли ворот Ульсора, казалось, стала еще шире, и от этого казалось, что лицо паренька вот-вот разорвется от натуги.

Лишь Онторо вел коня, опасливо озираясь по сторонам. События минувших дней сильно тревожили старого чародея, не давая ему покоя. Всю дорогу до Ульсора он молчал, даже перестав ругаться из-за каждой мелочи, погружившись в мрачные раздумья и рассеянно грызя грязные ногти...

Повозка миновала длинный ряд трактиров, пестрящих манящими вывесками, и остановилась подле небольшой таверны, увенчанной скромным приглашением отужинать и отдохнуть с дороги. Тич по слогам прочел название: «Белый Волк».

Онторо привязал неутомимого коня к коновязи, проверил, все ли в порядке и, отдав медяк, предварительно изъятый у Ильмера, мальчишке-смотрителю за лошадьми, направился к дверям таверны.

Войдя в зал, он внимательно осмотрелся.

Четверка возбужденных людей играла в какую-то странную игру, то и дело выкрикивая проклятья или восклицая от радости. Молодая парочка, обнявшись, шепталась в темном углу (видать, какой-то щеголь подобрался к местной кухарке, которая от восторга взвизгивала и похрюкивала). Какая-то толстая старуха с нечесаными седыми космами, в старом оборванном тряпье, сидела, развалившись, за одним из столиков. Судя по мутному взору и иканию, старуха была сильно пьяна. Неподалеку стоял стол, уставленный яствами, за которым сидело трое мрачных крепышей, молча пережевывающих сочащееся жиром жаркое.

Удостоверившись, что опасного ничего не предвидится, Онтеро твердой походкой направился к стойке, за которой самодовольный трактирщик гладил огромного рыжего кота.

– Милейший. Я и мои друзья прибыли из столицы. С нами высокородный господин из Хорнкара. Будь так любезен – прикажи подать чего получше. И эля лучшего не забудь! – устало проговорил Онтеро и присел на высокий деревянный стул. Хозяин поспешно удалился. Кот лениво выгнул спину и, подняв пушистый хвост трубой, чинно удалился куда-то. Кто-то легонько дотронулся до руки Онтеро.

Чародей невольно вздрогнул. Обернувшись, он увидел блуждающий взор хмельных, но, тем не менее, весьма хитрых глаз. Толстая пьяная старуха, шатаясь, держала Онтеро за руку и бормотала заплетающимся языком:

– ...бабушке, ик! ...немножко маалень... ик! ...ких монеток. А старая... ик! ой! Думла не забудет твоей, милочек, ик! ик! милости.

От старухи так жутко разило дешевым элем, тухлой рыбой и давно нечищеными, почти сгнившими зубами, что Онтеро поневоле отшатнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.